

ГРУДЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А. В. ОРЕШНИКОВ

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА

1936

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А. В. ОРЕШНИКОВ

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ
ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В настоящем выпуске своих „Трудов“ Государственный Исторический Музей издает оставшиеся неопубликованными работы покойного старейшего сотрудника Музея, заведывавшего кабинетом Нумизматики, Алексея Васильевича Орешникова (1855—1933), отдавшего большую часть своей жизни и всю свою научную деятельность изучению памятников Исторического Музея.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю работа А. В. посвящена самому темному и запутанному периоду в русской нумизматике—древнейшей эпохе вплоть до XII столетия. Крупнейший специалист в области древней русской нумизматики, А. В. Орешников посвятил в продолжение своей жизни ряд книг и статей этой теме и в настоящем труде как бы подводит итог своей многолетней работе. В начале он кратко рассматривает и выявляет свою точку зрения на дометаллические единицы обмена (скот, меха), служившие первоначальным платежным средством, металлические слитки, иностранные монеты, ходившие на Руси, и кожаные знаки. Переходя затем к основной теме работы—первым русским чеканным монетам XI—XII вв., А. В. сжато, но исчерпывающе характеризует все основные теории, выдвигавшиеся в этой области разными исследователями, начиная с работ первой половины XIX в. и до высказываний последних лет. Огромный опыт, прекрасное знание материала позволяет при этом А. В. Орешникову в ряде случаев выдвинуть свое самостоятельное понимание некоторых явлений, произвести перераспределение памятников и сделать попутно множество отдельных метких наблюдений и замечаний, которые окажутся весьма полезными не только для нумизматов, но и для специалистов-вещевиков в других отраслях художественной промышленности и искусства данного периода. В этом—основное значение этой работы, мимо которой в течение долгого времени не сможет пройти ни один исследователь в области древнейшей русской нумизматики: это—как бы сводный итог всей научной работы, проделанной в этой части науки о русских монетах.

Однако, необходимо иметь в виду, что, будучи ученым старой формации, А. В. Орешников в ряде случаев стоит на методологических позициях, неприемлемых для современной марксистской науки. Так, например, касаясь вопроса о сущности «родового быта» и опираясь в основном на работу К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней Руси»,—А. В. Орешников продолжает держаться «теории родового быта», развитой в сороковых годах прошлого столетия С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным и др. Отсюда и типичное для означенной теории описание попытки Ярослава «установить государственный порядок на родовом начале» и несколько наивная характеристика «борьбы» родового начала с семейственным. Подходя к формам развития государственной

власти лишь с внешней правовой стороны, буржуазная историография не в состоянии была разрешить вопрос о социально-экономических отношениях в Киевской Руси и выделить основные движущие силы развития.

После работ покойного М. Н. Покровского и его учеников¹ не приходится долго доказывать, что к эпохе Ярослава безраздельно господствующие родовые отношения были уже давно пройденным этапом для обществ восточно-европейской равнины: матриархальный род не только развился в патриархальный, но и перешел уже в стадию сельской территориальной общины на основе «печищного» или «дворищного» землевладения. Более того уже в VI—VIII вв. мы имеем в южной части европейской России обычную картину разложения первобытно-коммунистического способа производства. Развитие производительных сил, прогресс техники и рост разделения труда, постепенный переход к пашенному земледелию (совершавшийся, правда, неравномерно в различных областях и значительно отставший в северной лесной полосе России по сравнению с лесостепной южной),—все это ведет к дроблению, парцеллизации общественного производства. Раннее коллективное производство все более заменяется индивидуализированным семейным. Рост производительности труда, вызвавший появление прибавочного продукта, ведет к возникновению частной собственности, к имущественному неравенству, к внутриродовому антагонизму, дает возможность эксплуатации человека—человеком в ее древнейшей форме патриархального рабства. Необходимым следствием этого процесса является образование примитивных форм государственной власти в виде племенных вождей, князей, упоминаемых в летописи.

Варяжское завоевание IX в. лишь ускорило этот процесс разложения родового строя и перехода его в общество классовое. «Большая семья», характерная для эпохи VI—VIII вв., все более отстывает перед развивающейся малой семьей. Парцеллярное хозяйство, как источник частного присвоения, рост обмена, накопление движимого имущества разрушают территориальную общину и ведут к дальнейшему развитию рабства, а затем и к появлению крупного землевладения. Вырисовывается ведущий классовый антагонизм между землевладельцами и зависимым от них населением, недавно вырванным и вырываемым из недр разлагающейся общины. В ожесточенной классовой борьбе идет

¹ См. хотя бы: М. Н. Покровский, «Русская история с древнейших времен», т. I (последнее 8-ое изд. М. 1933 г.), гл. I—II; он же, «Очерк истории русской культуры», ч. I, 2-ое изд. М. 1917; Б. Д. Греков, «Очерки по истории феодализма в России» М.—Л. 1934 г. (Известия Госуд. Акад. Матер. культуры, вып. 72); дискуссия по докладу его же, «Рабство и феодализм в Киевской Руси». М.—Л. 1934 (Известия ГАИМК, вып. 86); М. М. Цвибак, «К вопросу о генезисе феодализма в древней Руси» (Сборник статей к сорокалетию деятельности Н. Э. Марра—Известия ГАИМК, вып. 100), М.—Л. 1933, стр. 508—544.

стремительный процесс феодализации восточно-европейской равнины.

Но если процесс разложения родового быта обычно идет снизу, если с ходом этого процесса все более широкие массы оказываются стоящими вне родовых учреждений, то родовая знать, обособившаяся в аристократическую олигархию, еще долго держится за родовые учреждения и институты, концентрируя их в немногих знатных родах. «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии... Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей, обычное избрание его преемников из одной и той же семьи переходит мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, в наследственную власть, которая сперва терпится, затем требуется и, наконец, узурпируется; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа»¹.

Этот процесс развития мы видим в древней Греции, Риме, у германцев и др. народов. Сходный процесс мы можем наблюдать и в древней Руси. Варяжское завоевание лишь ускорило и несколько осложнило добавочными факторами необходимый ход развития. Мы видим князя с его дружиной, позднее образующей боярскую думу, и народное собрание—вече. Мы видим пережитки родовых отношений в «Русской Правде». Но если для основной массы населения эти родовые отношения, как отмечено, являются уже давно пройденным этапом, если феодальные порядки победоносно вторгаются в разлагающуюся территориальную общину, то внутри господствующего класса, в состав которого наряду с варягами широко вливается туземная знать, еще долго сохраняются отдельные пережитки родового устройства. При характерном для слагавшегося русского государства смешении частного и государственного права в самом характере княжеской власти древнейшего периода, в своеобразном порядке преемства столов, в княжеских съездах XI—XII вв., несмотря на отдельные возражения некоторых авторов, приходится видеть остатки

¹ Фр. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», М. 1934, стр. 148. (Подчеркнут нами).

патриархального племенного быта¹. В IX—X вв. «ускоренный темп расширения норманской державы», явившийся результатом «примитивной организации норманских завоеваний», основанной на «вассалитете без земельного пожалования или земельных владениях, обложенных только данью»², привел к постепенному устранению местных, туземных князей и монополизации всего княжеского владения в руках рода Владимира св. Завещание («ряд») Ярослава пыталось закрепить эту нераздельность семейного владения и политическое единство Русской земли. Но нельзя было остановить идущего процесса феодализации: он неминуемо должен был привести к распадению Руси на уделы и, вместе с мобилизацией земли в руках землевладельцев, а впоследствии дружинников, к превращению дружинного князя в феодального государя-вотчинника на определенной подвластной ему территории.

Коснемся также весьма интересного вопроса о начале чеканки монеты в древней Руси, поставленного и, как нам кажется, недостаточно развитого А. В. Орешниковым. Критикуя взгляды других авторов на причины появления в др. Руси местной монеты, А. В. с своей стороны, выдвигает одну причину: «прекращение подвоза серебра с востока при развивающейся торговле» (стр. 31). В работе общего характера, подобной издаваемой, хотелось бы иметь попытку дать:—наряду с указанной одной из причин,—конкретную наметку всего комплекса социально-экономических условий, приведших к факту чекана собственной монеты русскими князьями. Не имея возможности произвести здесь самостоятельное исследование по этому вопросу, попытаемся лишь в немногих словах наметить представляющийся нам правильным путь к его решению. Развитие торговли с необходимостью вызвало появление сначала древнейших платежных средств (скот, меха), а затем и металлических единиц, обмена в форме слитков. Внешние сношения привели к обращению западно-европейских и восточных монет. Факт же чекана на Руси собственной монеты, по нашему мнению обусловлен, помимо возможного начала разработки местных серебряных рудников (см. прим. Орешникова на стр. 20), идущим процессом феодализации восточно-европейской равнины и оформлением системы феодального государства, постепенным превращением русского князя из предводителя полувоенной, полуразбойничьей дружины купцов-работорговцев в государя-вотчинника, влиянием сноше-

¹ См. по этому вопросу, напр., высказывания В. О. Ключевского («Курс русской истории», часть I, изд. 5-ое, М. 1914, лекция XI). А. Преснякова («Княжеское право в древней Руси», СПб. 1909, в особенности стр. 25—47) и М. Н. Покровского («Русская история», т. I, М. 1933, стр. 23—28).

² К. Marx, *Secret diplomatic history of the 18—th century London*, 1899, стр. 76; цитировано по Изв. ГАИМК, вып. 86, стр. 95 и 147. См. там же, стр. 3, 71—72; Изв. ГАИМК, вып. 72, стр. 14—15.

ний с Византией и Востоком и рядом подобных причин. Известную роль, в качестве одной из причин, сыграл, конечно, и денежный кризис на Востоке. Повторяем, что здесь мы лишь намечаем некоторые направления, по которым, как нам кажется, должна идти разработка проблемы, и ставим вопросы, ответ на которые должен дать будущий исследователь.

На стр. 37, А. В. Орешников соглашается с мнением А. А. Куника, что «родовые знамена возникли из знаков собственности». Казалось бы наоборот: из первоначальных знаков родового коллективного владения, с течением времени, по мере его разложения, могли развиваться индивидуальные знаки собственности.

Есть также у автора издаваемой работы порой некоторое стремление придавать деятельности отдельных князей, пожалуй, преувеличенное значение.

Зато весьма плодотворной представляется нам сама идея,— впервые примененная автором в статье «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам»¹;—при распределении монет по отдельным княжествам опираться не столько на трудно-поддающиеся прочтению, фрагментарные и до сих пор еще часто неясные надписи на монетах, сколько на помещенные на них княжеские родовые знаки с их индивидуальными отклонениями от общей схемы.

Вообще, при всех указанных оговорках, труд А. В. Орешникова, дающий богатый, ценный, сконцентрированный фактический материал, наглядно показывает нам, как мог решать поставленные сложные вопросы крупнейший специалист, отлично владеющий материалом, находящийся во всеоружии прежних научных методов.

Работа А. В. Орешникова была им вполне закончена и оставлена переписанной на пишущей машинке со всеми необходимыми вставками и исправлениями. Работа над текстом свелась к стилистическим поправкам, к устранению отдельных шероховатостей и повторов, к выправлению переводов цитат из сочинений иностранных авторов, приведенных в рукописи А. В. в виде выписок из подлинного текста и переведенных на русский язык уже после его смерти, и, главным образом, в предельно достижимой тщательности корректуры. Почти все ссылки и цитаты из различных сочинений внимательно сверены с оригиналами; причем удалось устранить несколько вкравшихся неточностей и недоразумений. Все описания монет тщательно сличены с подлинниками; немногие добавления, сделанные в описаниях отдельных сребреников, взяты в тексте в квадратные скобки.

При корректуровании описаний мы старались максимально приблизить передачу надписей на монетах и других памятниках

¹ Известия Академии Наук СССР, отделение гуманитарных наук, 1930, стр. 87—112.

к их форме на оригиналах. К сожалению, это часто по типографским причинам было трудно достижимо. Отчасти на это указывает сам А. В. на стр. 66—67. Но и помимо указанных им случаев пришлось делать целый ряд отступлений от подлинного начертания отдельных букв: букву **П** с укороченной одной из вертикальных черт, напоминающую букву **Г**, пришлось передать простым **П**; букву **Т** с опущенными вниз боковыми крыльями—без передачи этой ее особенности, греческую «эту»—при помощи русского **Н**, йотированное **а**—через **IA** и т. д. Мы стремились лишь везде придерживаться, по возможности, такой транскрипции, по которой читатель, знакомый с древнерусской палеографией, смог бы составить себе хотя бы приблизительное представление о подлинной орфографии надписей. Уточнению начертаний отдельных букв должны служить, конечно, изображения на прилагаемых таблицах. Особенно досадным явилось также отсутствие в типографическом наборе буквы «ять», что заставило во всех выдержках из древних памятников письменности, где мы сохранили орфографию подлинников, передать ее при помощи жирного «е».

Принимая во внимание, что А. В. Орешников дает в своей работе описание всех подлинных златников и сребреников Гос. Исторического Музея, привлекая для сравнения и дополнения отдельные экземпляры из других собраний, было решено увеличить количество предполагавшихся им иллюстраций, дав изображения всех описанных монет, хотя бы и уже изданных или предполагавшихся к изданию другими авторами. А. В. предполагал включить в книгу лишь изображения, помещенные на наших табл. I, фиг. 1—17; табл. II, фиг. 3—4; табл. III, фиг. 1—4, 6 и 9; табл. V, фиг. 1—2; табл. VI, фиг. 3—4, 7 и 9. Все остальные иллюстрации подобраны нами; при этом все монеты вновь сфотографированы с подлинных экземпляров или гальвано-пластических копий, хранящихся в Государственном Историческом Музее в Москве.

В приложении I мы помещаем статью А. В. Орешникова о «Долгее», откликающуюся на работы Н. П. Бауэра 1929—1931 гг., подробнее развивающую мысли автора, высказанные им на стр. 25 и способствующую уточнению древне-русской нумизматической терминологии.

В приложении II мы даем описание привески с родовым знаком и сребреника Ярослава, поступивших в Исторический Музей в 1931 г. и лишь вскользь упомянутых А. В. Орешниковым на стр. 50

В приложении III помещено описание двух сребреников в. к. Святополка Михаила собрания Гос. Оружейной Палаты в Москве. Таким образом настоящая работа является одновременно сводным каталогом всех подлинных русских монет до монгольского периода, хранящихся в московских собраниях. Дирекции Ору-

жейной Палаты выражаем здесь свою благодарность за разрешение издать монеты и содействие в работе.

Для удобства пользования книгой мы сочли также небесполезным приложить точный список сочинений, упомянутых А. В. Орешниковым в его работе, часто в сокращенном виде или с опущением отдельных библиографических данных. За помощь при редактировании списка со стороны правильности библиографического описания мы весьма обязаны действ. чл. Публ. б-ки СССР им. В. И. Ленина, П. Х. Кананову. Ему, а также всем лицам, оказавшим нам то или иное содействие в работе, выражаем здесь свою признательность.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЕДИНИЦЫ ОБМЕНА

Скот, меха, слитки, иноземные чеканные монеты

В статье «Задачи русской нумизматики древнейшего периода» (Изв. Тавр. Уч. Архивн. Ком., вып. 54, 1917 г.) я писал: «Свод первых русских чеканных монет, изданный в 1882 г... И. И. Толстым, ...должен был бы иметь главу, посвященную тем иностранным знакам обмена, которые обращались на Руси до введения собственной чеканной монеты». Эта сторона «нумизматического опыта» автора «Древнейших русских монет вел. княжества Киевского» обработана слабо, и мы встречаем у него лишь намеки на обращение иностранных монет на Руси. В нижеследующих строках я попытаюсь, хотя вкратце, познакомить с теми знаками обмена, которые предшествовали у нас введению собственной чеканной монеты в XI в. Литература о них довольно обширна, но я изложу только главные выводы некоторых авторов, писавших по этому вопросу.

Территория восточной Европы, которую занимала Россия до войны 1914—1918 гг., в отдаленное время была населена различными племенами славянскими, финскими и другими народностями. Торговля их была в неразвитом состоянии; для добытия недостающих продуктов насельники должны были их покупать. Время, когда стала развиваться торговля, в письменных источниках не упоминается, но судить о нем можем только по находкам кладов с иноземными монетами, единственными документами, точно датирующими как время, так и народности, с которыми насельники древней Руси имели сношения. Древнейшие клады содержат римские монеты до III в. нашей эры. Конечно, римские монеты не показывают, что древние насельники имели непосредственную связь с римской империей, о чем было бы упомянуто у римских писателей, но монеты были завозимы торговцами из западной Европы, покупавшими на серебро те продукты, которыми была богата древняя Русь. Необходимо заметить, что римские монеты, чеканенные после III в. нашей эры, вообще в кладах реже встречаются, что было указано Момзенем в его труде о римской монете, объяснявшим это явление тем, что проба серебра после Септимия Севера понизилась, что было замечено покупателями на серебро и, конечно, повлияло на распространение римских денариев.

На смену римской монете клады указывают на появление сасанидских монет, чекана V—VI в., и, наконец, на арабские, клады

которых обнимают время с исхода VIII в. и до 1015 г. включительно. Огромное количество арабских монет, зарытых в кладах, затем западных X—XII в., немецких, английских и др., являющихся одновременно с арабскими и с XI в. сменивших их, указывает на нужду в серебре населения древней Руси и на отсутствие как собственных монет, так и собственного металла. О количестве найденных в кладах монет красноречиво говорят труды по описанию кладов: А. К. Маркова «Типография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)», СПб. 1910 г. и Н. П. Бауера «Находки в России западных монет XI и XII ст.»¹.

Отличительной чертой кладов с арабскими монетами является значительное количество находимых в них рубленых или ломаных диргемов (Савельев, Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, I, стр. XXVIII, сл.). Все это, говорит Савельев, имело значение в торговле Востока с Севером: по недостатку мелкой серебряной монеты они употреблялись для уплаты ценностей менее диргема или для дополнения веса, когда диргема принимались на вес. Таких кладов с рублеными диргемами в Азии, Африке, Пиренейском полуострове и в Сицилии не встречается; отсутствие их в перечисленных местностях указывает, что дробление диргемов происходило только на месте перед отправлением их в северо-восточную Европу.

В кладах с арабскими монетами находят, как я сказал, европейские монеты, и когда, в начале XI в., совсем прекратился ввоз арабских монет, то увеличился привоз западных монет, который продолжался до начала XII в. включительно. В кладах с западными монетами также много встречается раздробленных экземпляров.

Клады иноземных монет III—XII вв., находимых на территории древней Руси, главным образом в Волжской Булгарии, показывают, что в границах указанных столетий производилась, судя по обилию кладов, крупная торговля продуктами тех мест—медом, воском; но главной статьей вывоза были меха, которыми славилась Россия с глубокой древности. Писатель VI в. Иордан (*De rebus geticis*, § 18) сохранил известие, что в его время вывозились меха от югры (у Уральских гор), жившей за Хозарами и Булгарами (Сав., XXVI). Савельев перечисляет арабских авторов, писавших о вывозе из Волжской Булгарии и Руси мехов соболиных, бобровых, куных, беличьих и выдровых. Кроме мехов, мусульмане вывозили с Волги предметы роскоши, например, кости мамонта, находимые в земле, из которых на Востоке делали черенки для ножей и пр. Наконец, через Волжскую Булгарию на Восток шел янтарь, добываемый в Балтийском море, по берегам теперешней Пруссии.

¹ Труд напечатан по-немецки „Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts“. См. *Zeitschrift für Numismatik*, Heft 1/3 1929 и Heft 1/2 1930.

Кроме диргемов, арабы привозили серебро в обломках, как товар, и изделия своей страны: драгоценные камни, бисер, изделия из серебра—цепочки, ожерелья, запястья, разные украшения для одежды и конской сбруи, ткани и пр. На какие же деньги население Руси приобретали перечисленные товары? Самым древним орудием обмена был скот, который, по объяснению Мрочек-Дроздовского (Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды, стр. 17—18), имел значение денег, на что мы имеем указание в Русской Правде и др. источниках; в Лаврентьевской летописи 1018 г., при известии о сборе в Новгороде денег на наем варяжской помощи Ярославу, говорится: «начаша скоть сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривень» и т. д. Слово «скоть», очевидно, такого же происхождения, как римское «ресупиа», не удержалось в смысле денег в наших древних памятниках и было заменено словом «куны», пережившим,—говорит Мрочек-Дроздовский,—даже ту старинную денежную систему, в которой куны занимали столь видное место, и которая по праву может быть названа кунною в отличие от позднейшей рублевой.

Что такое куна—убедительно объяснено Мрочек-Дроздовским (у. с., стр. 1—2). Слово «куны» встречается в Русской Правде и других древне-русских письменных памятниках, причем оно употребляется с числовым показателем и без него. Разбирая слово «куны», когда оно стоит без числового показателя, Мрочек-Дроздовский говорит, что это слово можно толковать двояко: или 1) как куньи меха, шкурки или 2) как общее название всех тех ценностей, которые служили орудиями обмена, т. е. деньгами, были ли то меха, металлические слитки, монеты, кожаные деньги. Все эти денежные единицы могут быть названы кунями. Для более ясного понимания термина «куны» он приводит уставную грамоту новгородского князя Всеволода Мстиславича XII в., данную церкви Иоанна Предтечи в Опоках, где кунями названа сумма весовых пошлин с торговцев воском, а пошлины были следующие: с Низовского гостя от двух берковцев полгривны серебра, с Полоцкого и Смоленского от берковца по две гривны кун, с Новоторжца полторы гривны, с Новгородца шесть мордок. О всех этих пошлинных сборах в грамоте постановлено: «А куны имъ класти св... великаго Ивана въ домъ, что вывесят¹ по правому слову». Отсюда ясно, что грамота называет кунями и полгривны серебра наряду с гривнами кун и мордками, т. е. мехами. Далее Мрочек-Дроздовский дает еще ряд примеров, из которых видно, что куны без числительных показателей означают деньги. Из Никоновской летописи (П. С. Р. Л., т. XI, 218) он приводит текст, где говорится, что (в 1411 г.) «начаша Новгородцы торговати белыми лобки и грошми литовскими и ар-

¹ За отсутствием в типографском наборе буквы «ять», таковая будет везде заменена е.

туги немецкими, а куны отложиша, еже есть мортки куны». Комментируя этот текст летописи, автор говорит: «Само собой разумеется, что так долго (до 1411 г.) меха не могли оставаться исключительной оборотной ценностью в Новгороде», и делает вывод, что под кунами следует понимать деньги вообще, которые обращались в Новгороде, а не куны мордки. Далее он приводит текст Никоновской летописи под 1420 г. (П. С. Р. Л., XI, 236): «Тое же осени, Октября, въ Новгороде въ Великомъ начяша Новгородцы торговати сребряными денгами, а артуги попродаваша Немцемъ; а торговали артугами 9 летъ; а преже артуговъ тръговали лобки куньими, а преже лобковъ куньихъ торговали мортками белыми и куньими». Из приведенных летописных данных автор заключает, что в Новгороде последовательно существовали 3 денежные системы: сначала обращались в торговле куны и беличьи мордки, затем их заменили куны лобки, и, наконец, введены были артуги, которыми Новгородцы торговали 9 лет. С 1420 г. Новгородцы начали чеканить собственную монету.

Суммируя приведенные факты о знаках обмена, предшествовавших появлению чеканной монеты, получаем такой вывод: сначала, в глубокой древности, в обращении был только скот, затем меха и части их; с привозом серебра в монете и серебра-лома металл, как материал более прочный, стал заменять меха, сначала частично, а впоследствии меха исчезли из обращения совсем. Появление в XI в. чеканной русской монеты показывает, что роль мехов, как денежных знаков, кончилась, и, может быть, только частично, в отдаленных от крупных центров, как Новгород, Киев, местностях, куда серебро не доходило, обращались куны-меха. С прекращением меховых знаков обмена названия шкурок пушных зверей и их частей тем не менее остались надолго в памяти народа и перешли на названия металлических монет.

В 1911 г. появляется труд по тому же вопросу о кунах, как меховых ценностях, представляющий полную противоположность взглядам Мрочек-Дроздовского и др. Автор его—В. К. Трутовский, написавший статью «Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI в.» (Нум. Сб., т. I). При статье приложены фототипии с 2-х рисунков из лицевого «Царственного летописца» 2-й половины XVI в., иллюстрирующих два места из истории монетного дела в Великом Новгороде и Пскове. Первый рисунок относится к 1411 г., когда Новгородцы начали торговать белыми лобками, литовскими грошами, немецкими артугами, а «куны отложиша». Второй рисунок относится к 1424 г., когда Псковичи начали чеканить собственную монету, а «мордки оставили». Автор тщательно описал оба рисунка и действительно определил, что на рисунке изображены куны в виде меховых шкурок, сложенных кучкою у стола. Это открытие привело автора к «несомненному и важнейшему для русской нумизматики выводу, что куны, обращавшиеся в древней Руси в качестве платежных

единиц, были меховые, а не какие-либо иные единицы». Далее автор прибавляет: «Вывод первостепенного значения; им кончается ясно и определенно столетний спор между учеными и разные беспочвенные предположения, что куна—это диргем и т. д.» и кончает: «Можно еще спорить о том, что такое была «ногата» и «резана», но что куна, давшая свое название наиболее краткой единице древнего русского менового и платежного товара—гривне кун, была меховая шкура, в этом не может быть никакого сомнения».

В том, что автор видел на рисунке кучку меховых шкурок, кун, никто спорить не станет, и текст иллюстрирован вполне правильно, да и как иначе, 150 лет спустя после денежной реформы 1411 г. в Новгороде, мог художник (он жил во 2-й половине XVI в.) изобразить этот факт, когда куны-меха уже не существовали и в его представлении куны могли рисоваться только как звериные шкурки с мехами, а не как те куны—металлические деньги, обращавшиеся в 1411 г. в Великом Новгороде. Возможно, что в начале XV в. звериные шкурки ходили, как орудия обмена, где-нибудь в глухих углах всей территории Великого Новгорода, как и у нас до последнего времени звериными шкурками платился сибирскими племенами ясак (подать): шкурки доставлялись завязанными в пачки, и каждая пачка опечатывалась сургучною печатью с оттиском на ней имени владельца; несколько таких печатей имеется в собрании Исторического Музея¹.

Но такие частные случаи нельзя подводить под общее правило и делать выводы «первостепенного значения». Изображения «Царственного летописца», также «Царственной книги», два рисунка которой даны в той же статье, все условны. Например, если бы нам понадобилось представить формы царских венцов первой половины XVI ст. и мы бы взяли за образец формы венцов на головах юного Ивана Васильевича и его матери Елены Глинской так, как они представлены на рисунке, то изображения таких венцов были бы далеки от истины: художник XVI в. рисовал их, как воображал, не видав подлинного царского венца. Так же мы должны относиться и к рисункам, иллюстрирующим летописные тексты, изданные в статье В. К. Трутовского. Как увидим далее, «Память, как торговали доселе Новгородцы» 1494 г. разрешает вопрос о меховых денежных знаках.

Кроме монет, находимых в кладах, были в обращении серебряные слитки разных форм. Появление слитков относят к IX ст. (см. А. А. Ильин, Топография кладов серебряных и золотых слитков, стр. 3), судя по датировке найденных с ними сасанидских и других монет. Без сомнения, материалом для слитков служили монеты и серебро—лом, привозимые восточными куп-

¹ В одном из заседаний Моск. Нум. Об-ва демонстрировались оттиски ясачных печатей, которыми были припечатаны связки меховых шкурок, принятые для уплаты подати русскому правительству. См. Труды Моск. Нум. Общ., т. II, стр. 89.

цами, так как серебряных рудников у нас в то время не разрабатывалось¹.

С развитием торговли и для удобства расплаты привозимое серебро сплавлялось в слитки, которым в разных местностях давались разнообразные формы. Слитки, находимые преимущественно в северо-восточной России и имеющие форму палочек, называются новгородскими; находимые в южной части России и имеющие шестигранную форму, называются киевскими; слитки в форме продолговатых пластинок с расплюснутыми концами—черниговскими. Но эти названия не показывают, что слитки принадлежат Новгороду, Киеву или Чернигову; они называются по местностям, где они чаще встречаются в кладах. С наружным их видом можно познакомиться по таблицам к описанию слитков Исторического Музея во II т. Трудов Московского Нумизматического Общества и в «Русской нумизматике» А. К. Маркова, издание 2-е.

Здесь остановлюсь на вопросе, что такое гривна, самая крупная денежная единица, какую встречаем в древнейших русских письменных памятниках. Название ее происходит от шейного серебряного обруча—гривны. Гривны, как ценные предметы, имевшие к тому же почти одинаковый вес (около $\frac{1}{2}$ фунта в каждой), употреблялись как орудия мены при покупках и впоследствии постепенно были заменены слитками, приблизительно такого же веса, как шейные обручи. Слитки были разных форм, и каждая форма имела определенный вес, соответствовавший, очевидно, тому весу шейной гривны, который употреблялся в местностях, где отливались слитки той или другої формы. Очень показательна для этого вопроса находка в Пермской губ., Чердынск. уезде, клада, состоявшего из серебряного ведра с 34 шейными гривнами,

¹ Савельев, у. с., стр. ССII. сл., пишет, что в половине XI ст., когда возобновились прервавшиеся сношения со Средней Азией, серебряных денег более не требовалось оттуда: «Россия приобретала их себе из рудников Югорской земли и от Закамских Булгар, которые поэтому и получили у нас тогда название Серебряных или Нукратных» (нукрат—арабское слово, означающее серебро). Аристов в своем труде «Промышленность древней Руси», стр. 127, пишет: «Можно думать, что добывание серебра в Сибири инородцами производилось в XII ст.»; о Юграх записано под 1193 г., что когда Новгородцы осадили их город, то «сылаху кь нимъ лъстьбою, рекуще тако: яко копимъ серебро и сободи и ина узорочья, а не губите своихъ смердь, а своя дани». Следовательно, Новгородцы получали от Югров меха и серебро (1 Новгородская, 21). О неразработке у нас серебра даже в XVII ст. Котошихин писал (Соч. о России при Ал. Мих., изд. 1906 г., стр. 99): «А в Московском государстве золота и серебра не родится», хотя в хрониках пишут, что «Русская земля на золото и серебро урожайная». Разработка серебра началась у нас в XVIII ст., после Петра, хотя при Петре уже были попытки разрабатывать рудники, что можно видеть из надписей на медалях, поднесенных Петру Сенатом по случаю заключения Ништадского мира в 1721 г.: «сія изъ серебра (или злата на золотых) домашнего медали усерднейше приносится» (Иверсен, Медали на деяния Петра Великого, стр. 54—55). Название «домашнее», т. е. отечественное серебро и золото, показывает, что при Петре, очевидно, были случаи добывания благородных металлов, но, вероятно, кустарным способом.

из них 10 гривен находятся в Московском Историческом Музее (см. Указатель, изд. 1893 г., 335—336). Вес самой массивной гривны 1 ф. 1 зол. 72 доли, остальные имеют половинный вес тяжелой гривны: 48, 49 зол. с долями, т. е. равняются весу новгородской скаловой гривны. На некоторых вырезаны знаки собственности или родовые: стрела, свастика и пр.

Как я выше сказал, слитки служили для торговых расчетов при крупных сделках с восточными и западными купцами, а в татарскую эпоху слитками платился выход, т. е. дань, золотоордынским ханам. Платежи производились не «в отчет», а «в отвес», поэтому для удобства слитки отливались приблизительно одного веса каждая форма.

Возвращаясь к меховым ценностям, как к платежным единицам, напомним, что о мехах неоднократно говорится в летописях, но летописные выражения не всегда ясны, так что бывает трудно решить, говорится ли в них о звериных шкурках или о металлических монетных знаках, заменивших меха. В тех местах летописи, напр., Ипатьевской, где говорится о платежах дани в 859 и 883 г., несомненно, под черною кунюю, белью и виверницей нужно понимать меха, а в текстах летописей, гласящих о событиях позднее IX в., где упоминаются меховые ценности, под последними можно понимать металлическую монету, на которую были перенесены названия мехов.

До нас не дошли образцы мехов, бывших в обращении, как платежных единиц, и мы только из летописей знаем их наименование, по которым наши исследователи метрологическим путем старались определить стоимость куны, ногаты, резаны, векши по оценке их теперешними деньгами. А. И. Черепнин в статье «О гривенной денежной системе по древнимкладам» (Труды Моск. Нум. Общ., II, стр. 98 сл.) привел вычисления меховых единиц, составленные Карамзиным, Бекетовым, Шодуаром, Лешковым, Ланге, Беляевым, Казанским, Погодиным и Прозоровским. Я не буду приводить выводов всех 9 авторов вычислений, которые довольно разнообразны, что заставляет Черепнина сказать, что разнообразие вычислений лишает возможности пользоваться этими определениями для перевода древних цен на разные продукты на наши деньги; для наглядности он приводит такой пример: «Если бы потребовалось перевести на наши деньги стоимость серебра, в котором выражена цена тельника, обозначенная в Русской Правде в 5 кун, и тем же способом перевести цену одного печеного хлеба, стоившего в 1228 г. в Новгороде 2 куны, то, руководствуясь выводом Карамзина о количестве серебра в древней куне, цена тельника определилась бы в 2 руб. на наши деньги, по Погодину тельнок стоил бы 1 р. 50 к., по Прозоровскому цена тельника равнялась бы 41½ коп., а цена одного печеного хлеба, по выводам тех же ученых, получилась бы в 11½ коп., 80 коп. и 17⅔ коп. на наши деньги. Отсутствие прочно установленного понятия о действительной ценности древ-

них денежных единиц представляет большие, а иногда прямо непреодолимые препятствия для всякой попытки осветить значение цен на разные предметы не только из отдаленных периодов нашей истории, но и из более близкого к нам времени».

Перейду к вышеупомянутой записи XV в., проливающей некоторый свет на денежные единицы, обращавшиеся в Новгороде. П. М. Стров в отзыве на «Описание древних русских монет» А. Д. Черткова (см. Сев. Пчела 1834 г., стр. 235) дает текст «Памяти, как доселе торговали новгородцы, переизданный Прозоровским в его труде «Монеты и вес в России до конца XVIII в.», стр. 500. В 1836 г. арх. Досифей издал «Географическое, историческое и статистическое описание... Соловецкого м-ря», в библиотеке которого находилась рукописная Минея, датированная 7002 (1494) годом, содержащая упомянутую «память» с названиями денежных единиц, обращавшихся в Новгороде в XIV—XV вв.¹ Содержание ее следующее:

«Память как торговали доселе новгородцы. Пять лобцовъ четверетца, а десять лобцовъ две четверетцы; ино то мордка. А ногата полторы мордки, три четверетцы, а две векши лбець, а лбецовъ пять за четверетцу. Новая гривна три гривны, а куна две деньги, а ногата 7 денегъ; а гривна серебра рубль. (А рубль или гривна, фунтъ)».

Упоминаемые в «памяти» денежные единицы относятся одна к другой следующим образом: ногата равна $1\frac{1}{2}$ мордкам, трем четверетцам, $3\frac{1}{2}$ кунам, 7 деньгам, 15 лобцам, 30 векшам. Принимая вес новгородской деньги конца XV в. в 18 долей, Черепнин (у. с., стр. 209) переводит денежные единицы «памяти» на следующие, современные нам, веса: ногата=126 дол., мордка=84 д., четверетца=42 д., куна=36 д., лбец= $8\frac{2}{3}$ д., векша= $4\frac{1}{3}$ доли.

Приведенный вес монет, продолжает Черепнин, конечно, нельзя признать вполне сходным с действительным весом монет, обращавшихся в Новгороде в обозначенное время под именем ногат, мордок и т. д., но он дает возможность предположить, какие иностранные монеты обращались там под именами денежных единиц «памяти». Черепнин приводит средний вес значительной части иноземной монеты, обращавшейся в Новгороде и других областях: любских и кельнских шиллингов, чеканенных с 1324 по 1364 г., имевших средний вес 95, 87 и 75 долей; пфеннигов—8, $7\frac{1}{4}$ и $6\frac{1}{3}$ д. Рижские шиллинги, выпущенные в начале XV в., имели средний вес 129 д., артиги—32 д., пфенниги— $10\frac{1}{2}$ д. Рижские шиллинги, чеканенные в 1422 г., имели средний вес 64 доли, пфенниги—16 д., шерфы—32 д.; артиги, введенные в обращение в 1426 г., весили немного более 64 долей, шерфы—32 д., пфенниги—около 21 д. Пражские гроши разных выпусков имели средний вес от 83 до 65 д., литовские гроши от 70 до 65 д., литовские полугроши от 34 до 30 д.

¹ Напечатана у Досифея на стр. 187 в подстрочном примечании.

Сравнивая средний вес иностранных монет с вычисленным приблизительно весом новгородских ногат, мордок, четверец, куи, лобцов и векш, Черепнин находит близкое весовое сходство между некоторыми иностранными монетами и новгородскими денежными единицами, давая следующие примеры: вес рижского шиллинга—129 долей—близок к весу новгородской ногаты—126 д. Под мордками (84 д.) могли обращаться как пражские гроши (83 до 65 д.), так и любские и кельнские шиллинги (95 до 75 д.). Вес новгородской куны (36 д.) совпадает с весом немецких и шведских артигов (32 д.), а также с литовскими полугрошами (34—30 д.). Лобцами ($8\frac{1}{5}$ д.) новгородцы называли любские пфенниги (8, $7\frac{1}{4}$ и $6\frac{1}{3}$ д.). Под именем векш ($4\frac{1}{5}$ д.) обращались немецкие солиды и мелкие серебряные польские монеты, имевшие средний вес от 4 до 5 долей.

Приведенные соображения Черепнина имеют существенное значение для вопроса о денежных знаках, носивших наименования меховых ценностей, и разрешают вопрос, что меха в XIII, XIV и XV вв. уже не были в обращении и воспоминание о них осталось лишь в названиях денежных единиц XV в. Но для решения вопроса, какие металлические деньги обращались при гривенной системе в XI—XII в., до введения собственной чеканной монеты, эти соображения применимы быть не могут ни для Новгорода, ни для южных княжеств, так как в ту эпоху западно-европейские монеты только начинали появляться в обращении, а главная масса была восточные монеты; кроме того, деньги, как металл, в XIV—XV вв. обесценились: по словам Мрочек-Дроздовского (у. с., стр. 95), рубль XVI в. сравнительно с гривною серебра XII в. уменьшился более чем вдвое.

Главный источник, который указывает нам, какие денежные единицы обращались на Руси до введения собственной чеканной монеты,—Русская Правда. Благодаря исследованиям этого древнейшего русского юридического памятника историками и учеными юристами, мы теперь знаем по именам, какие денежные единицы обращались в X—XI вв. на Руси. По имени главной денежной единицы того времени—гривны денежная система называется гривенной; части гривны следующие: ногата, куна, резана и векша или веверица. Главная денежная единица—гривна объясняется Мрочек-Дроздовским (у. с., стр. 53 сл.) как слово славянское, и первоначальное значение имела как украшение, о чем я подробнее сказал выше.

Денежные единицы, перечисленные в Русской Правде, были, без сомнения, металлическими деньгами, но какие из обращавшихся в XI—XII в. иностранных монет подразумеваются под деньгами Русской Правды, можно ответить только предположительно. Черепнин (у. с., стр. 184) говорит, что древние клады дают определенное понятие о куне или резане, считая равноценными обе денежные единицы, именами которых называли арабские дирхемы и византийские полумилиаресии, но какие монеты можно подразу-

мевать в дробных частях куны, векше или веверице, для этого Черепнин никаких выводов сделать не мог. Как я сказал, Черепнин считает равноценными куну и резану, такого же мнения держатся и другие исследователи, но Мрочек-Дроздовский разъяснил (см. Опыт, стр. 115 и примечание 22 к IV гл., стр. 194), что кунa и резана не одно и то же, гривна содержит 25 кун или около того, а резан в гривне было 50. «Слово резана, пишет Мрочек-Дроздовский, по всей вероятности, происходит от корня «рез» в глаголе «резать», по крайней мере более подходящего производства в нашей исторической литературе не выставлено». Следовательно, в резане можно видеть отрезанные или, правильнее, отрубленные части диргема, т. е. по объяснению ученых, куны. Само название говорит, что на куну металлическую перешло название меховой денежной единицы—куницы.

Вопрос о ногате стоит в таком положении: по летописным данным Мрочек-Дроздовский и Черепнин считают эту крупную денежную единицу равной $2\frac{1}{2}$ кунам.

В одном месте в Русской Правде, где устанавливается пошлина к судебным взысканиям в 5 кун, говорится: «На мех 2 ногате»; это означает, что 5 серебряных кун могут быть заменены 2 меховыми ногатами. Следовательно, меховая ногата равняется $2\frac{1}{2}$ серебряным кунам. Если ногата была реальной монетой, а не условною числительною единицею, то, по словам Черепнина, в Киевской гривенной системе ногата должна была иметь вес от 165 до 200 долей; отсутствие наличных представителей, т. е. иностранных денег, равных ногате, не мешает при стоимости ее, равной $2\frac{1}{2}$ кунам, выразить ее относительную стоимость весом серебра. Мрочек-Дроздовский считает в гривне 20 ногат, если гривна шестиугольной формы; вес таких гривен от 31 до 39 золотников.

Карамзин (И. Г. Р.), в прим. 79 ко II т., гл. III, приводит из Livländische Chronik Грубера следующее место: «В 1209 г. жители Оденпе или Медвежьей Головы (так назывался сей город в наших летописях) заплатили князю Российскому 400 марок (или гривен) ногатами. В 1210 г. осажденные жители Вальполя (ныне Вернеля в Эстонии) дали ему 700 марок также ногатами». Под князем Российским надобно понимать князя Новгородского Мстислава.

Замечание хроникера, что плата производилась ногатами, а не другою денежною единицею, указывает, что ногата была определенная монета, обращавшаяся в начале XIII ст. в тех местах. Какая монета подразумевалась Грубером под ногатой—сказать нельзя, но, вероятно, это была одна из монет местного чекана, весом тяжелее диргема, т. е. куны.

Векша или веверица, самая мелкая денежная единица, упоминается в древнейших рукописных памятниках; ее название происходит от самого дешевого меха белки. Ценность ее считают

равною $\frac{1}{30}$ части ногаты. Векшею, как реальною денежною единицею, вероятно, назывались мелкие отрубки резаны.

Кроме перечисленных денежных единиц, скажу несколько слов о долгее, не упомянутой в Русской Правде. Она встречается в трех договорных грамотах Великого Новгорода с тверскими князьями в начале XIV в. в такой форме: «А Дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ Князя по 5 кунъ, а от тиуна по две долгеи». Единицу эту Шодуар «Обозрение русских денег», т. I, стр. 35, и Марков «Русская нумизматика», изд. 2-е, стр. 15; считали равною куне и резане, но Н. П. Бауер, в статье *Die Silber und Goldbarren des russischen Mittelalters* и в „*Wörterbuch der Münzkunde*“ von Shrotter иначе определил долгею: по его мнению, основанному на происхождении слова «долгея» от долгий, длинный, она не что иное, как новгородская гривна в форме палочки весом около 196 гр. В «Памятниках истории Великого Новгорода» (под ред. С. В. Бахрушина, Москва, 1909 г.) издано кроме трех упомянутых еще пять договорных грамот Великого Новгорода с князьями тверскими и московскими XIV и XV вв.; в них долгея переименовывается в куну: «А Дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ емати от Князя по 5 кунъ, а отъ тиуна по две куне», причем в некоторых грамотах, вместо слова «погонъ» пишется «ходить по пошлине»; последнее выражение определяет слово «погонъ», означающее «пошлину».

Как я выше сказал, Шодуар и Марков считают долгею равною куне и резане, но из двух этих единиц долгея могла быть равной только резане. Мы уже видели, что Мрочек-Дроздовский разъяснил, что куна и резана не одно и то же: в гривне содержится 50 резан или же 25 кун, кроме того, слово «резана» происходит от корня «рез» в глаголе «резать» или же, говоря конкретнее, от металлической куны отрезывалась половина, и отрезок назывался резанюю. Такие отрезки арабских диргемов продолговатой формы встречаются в кладах и, несомненно, обращались в торговле под именем резан. Можно допустить, что в Великом Новгороде резана, по ее продолговатому виду, получила местное название долгеи.

Если бы куна и долгея были равноценны, то зачем надобно было погон, т. е. пошлину, выражать у князя в кунах, а у тиуна в долгеях? Конечно, по той причине, что обе счетные единицы не были равными и в долгее подразумевается резана, равная половине куны¹.

Прежде, чем перейду к чеканным русским монетам, скажу несколько слов о так называемых кожаных деньгах. В вопросе о кожаных деньгах соединялись прежними авторами два понятия: 1) меховые ценности, т. е. меха пушных зверей, обращавшиеся в торговле как деньги, и 2) кусочки дубленой кожи с клеймами. Оба понятия многими смешивались, причем меховые ценности

¹ Подробное о долгее им. Приложение I.—Ред.

выделялись как государственный знак ценности, кусочки же дубленой клейменной кожи рассматривались особо, но вопрос о них, как государственных ценностях, был позднее отвергнут. Разбор мнений по этому вопросу изложен А. И. Черепнинным в его исследовании «О гривенной денежной системе по древним кладам» (см. Труды Моск. Нумизм. О-ва, II, стр. 98 сл.). Что кусочки клейменной кожи в более или менее отдаленную эпоху существовали—в этом нельзя сомневаться, так как таковые дошли до нас и имеются в собрании Исторического Музея (см. Русск. монеты до 1547 г., табл. XXI); но эти жеребьи, как они названы в приведенном там мною указе Петра I 1700 г., не могут быть отнесены к знакам, выпущенным правительством, так как о них никаких упоминаний ни в актах, ни в летописях не найдено. Со времени издания в «Русских монетах» десяти кожаных жеребьев, собрание Исторического Музея пополнилось несколькими экземплярами, среди которых обращают на себя внимание два жеребья круглой формы из дубленой кожи, происходящие из Старой Рязани; оба жеребья присланы А. И. Черепнинным. Один имеет выпуклость в центре кружка, другая сторона гладкая; найден в 1879 г. с монетами XV в. Другой найден в 1892 г. там же, на берегу р. Серебрянки, изображений не имеет. Из собрания Уваровых поступило десять жеребьев из дубленой кожи, неизвестно где найденных; два из них треугольной формы с клеймами, на которых заметны буквы ЛЕ и несколько неясных букв; жеребей такой же формы с оттиском клейма УДМА; жеребей шестигранной формы с 2 клеймами: одно неясное, на другом УДМА; жеребей четырехугольной формы с четырьмя клеймами, все с надписью УДМА. В собрании Уваровых находилось несколько поддельных жеребьев, повидимому, из сыромятной кожи, на которых останавливаться не буду; отмечу один, круглой формы, величиною более петровского рубля с оттиснутыми надписями на обеих сторонах: «Переяславль», «Князь Глебъ», какая-то монограмма и голова человека в профиль; на другой—надписи: «скра», «нагота» и год славянскими буквами 6662 (1154). Остальные подлинные жеребьи из собрания Уваровых и два из Румянцевского Музея имеют форму и изображения, сходные с изданными в «Русских монетах».

Возвращаясь к вопросу об условных кожаных знаках, приведу мнение о нем историка С. М. Соловьева (см. И. Р., новое издание, т. I, стр. 1232): «Труднее объяснение другого явления, именно собственно кожаных денег, имеющих условную ценность; но в истории много таких явлений, которых мы объяснить теперь не можем и которых однако отвергать не имеем права, если о них существуют ясные, не подлежащие сомнению, известия современников и очевидцев—Рубруквиса и Гильберта де Ланноа».

Иначе смотрит Мрочек-Дроздовский на свидетельство Рубруквиса, которое, как доказательство, приводит Соловьев: «Сто-

ронники кожаных денег, пишет он (см. у. с., стр. 48), обыкновенно приводят в подтверждение своих слов свидетельства иностранцев о России, преимущественно же ссылаются на слова Рубруквиса, который будто бы говорит, что русская монета состоит из маленьких кусочков раскрашенной кожи (*petites pièces de cuir marquetées de couleurs*). Но если читать это свидетельство в связи с предшествующими словами, то окажется, что Рубруквис вовсе не говорит о русской монете: он говорит о монете татарской, которая, по повелению хана, должна была иметь курс в России, и описывает внешний вид ханских монет, обязательных для различных стран, находившихся под татарским игом. Эти монеты были снабжены надписями, делавшимися для каждого из подвластных народов на его языке, для России надпись заменялась разноцветной окраской кусочков, которые и по величине отличались от всякой другой монеты, ходившей в татарских владениях. Таков смысл свидетельства Рубруквиса. Здесь дело в том, что подданные хана, находясь в России, также хану подвластной, за все платили такими пестрыми кожаными монетами, и русские были обязаны их принимать вместо серебра и золота¹. Таким образом, свидетельство Рубруквиса указывает, что собственных кожаных денег в XIII в. в России не было. Для дополнения описанных типов жеребьев укажу на мою заметку о сборнике Григория Лисенко (см. Нумизматический Сборник, III, стр. 320). В сборнике даны некоторые подробности о кожаных деньгах, в частности о жеребьях с клеймом «Удма», но чтобы судить о достоверности фактов, приводимых в письмах к Григорию Строганову, необходимо проверить подлинность сообщений Лисенко.

ЧЕКАННЫЕ РУССКИЕ МОНЕТЫ

Познакомив с представителями иностранных денежных единиц, которые обращались до XI в. на Руси, перейду к чеканным русским монетам, но предварительно считаю необходимым привести взгляды ученых, представляют ли серебряные и золотые кружки, называемые нами монетами, действительно монеты, или они имеют другое назначение.

Первый, выразивший сомнение в назначении этих кружков, как разменных знаков, был историк И. Е. Забелин. В «Истории русской жизни» ч. 2-я, 2-е изд., стр. 151, по поводу того места договора Игоря с греками, где греки говорят «ношаху сли (т. е. послы) печати златы, а гостье (т. е. купцы) сребрени» (П. С. Р. Л. I, стр. 20), он пишет: «можно с большой вероятностью предполагать, что эти посольские и купеческие печати суть те золотые и серебряные монеты или вернее медали, которые в разное время и в разных местах были находимы не один раз». Далее он описывает златники и сребреники Владимира и Ярослава и продолжает: «смысл надписи больше всего указывает на княжеский документ, чем на монету, и можно полагать, что такое серебро раздавалось всем купцам для безопасного торгова повсюду в своей стране, как равно и в чужих землях» (стр. 485, прим. 95).

На мой взгляд, считать сребреник купеческою печатью недопустимо; уже сам глагол «носить» (ношаху) указывает, что печати носились или как перстни или в привешенном виде, тем более, что через 25 лет после приведенного места в договоре Игоря 945 г., Святослав в 971 г., в грамоте к Иоанну Цимисхию, заключает ее словами: «Се же имейте во истину, яко же створихомъ ныне къ вамъ, написахомъ, на хартьє сей и своими печатями запечатахомъ» (П. С. Р. Л. I, стр. 31). Без сомнения, и у Игоря и у Святослава подразумеваются одинаковые печати, для которых ни сребреники, ни златники, как печати, применимы ни в каком случае быть не могут. Наконец, находка двух кладов с монетами в Нежине и в Киеве (см. Ильин, Топография

¹ Мрочек-Дроздовский цитирует Рубруквиса по переводу Бержерона, русский перевод сделан А. И. Маленным с латинского издания, напечатанного в 1839 г. в IV т. Парижского географического общества. Интересующее меня место, цитируемое Дроздовским, в переводе А. И. Маленна не имеет приводимых подробностей, оно следующее: Ходячей монетой русских служат шкуры разных пушных зверей, горностаев и белок.

кладов древне-русских монет X—XI в., №№ 22 и 8) не вяжется с понятием зарытия в таком значительном количестве, как в обоихкладах, предметов, не обращавшихся в народе, а составлявших собственность отдельных лиц.

Независимо от мнения Забелина к аналогичному взгляду пришел Н. П. Бауер в статье «Древне-русский чекан конца X и начала XI в.» (Изв. Ак. Ист. Мат. культ., т. V). О сребрениках с именами Владимира, Святополка автор не говорит, но излагает свое мнение только о сребре Ярослава: «Что касается Ярослава серебра, то я не склонен считать его монетой. Для таковой оно уже слишком хорошо, и вряд ли самые искусные англосаксонские денежники и, пожалуй, даже византийцы не сумели бы его сделать, коль скоро речь шла о подлежащем размножению в большом количестве денежном знаке. Вопрос о близости к печати меня смущал бы менее. Не было ли это нечто в роде вверительного знака, которыми снабжались, следуя летописи, русские гости, посещавшие Константинополь?» Доказательств для своего взгляда автор не дает никаких, если не считать признания Ярослава сребра по выдающейся работе матриц недостойным быть монетою (?). Такой взгляд в нумизматике мне встречается впервые. Двойственность мнения автора, что сребреник Ярослава может быть или печатью или чем-то вроде вверительного знака для русских купцов, показывает, что подобных аналогий автор найти не мог; поэтому я считаю такой взгляд недоказательным.

Отрицательный взгляд на древнейшие русские монеты, как ходячие деньги, высказывает Н. П. Лихачев, но о его взгляде я скажу далее.

Познакомив со взглядами историков, позволю себе сказать по этому поводу несколько слов. Доказательств, что древнейшие монеты—вверительные знаки, мы не находим ни в письменных источниках, ни в памятниках материальной культуры, ни аналогий в других государствах; таким образом, называть монеты вверительными знаками—произвольно. Видеть печати не позволяет их внешний вид, не приспособленный к деланию оттисков; наконец, смысл надписей монетный, а не указывающий, что это княжеский документ. Надписи «сребро Ярославле» или «а се его сребро» соответствуют латинской формуле на средневековых германских монетах XII—XIII в. с надписью «moneta» такого-то города или такого-то государя; например, на монетах гр. Оттона Равенбергского читаем «m^o neta Ottoni». Эта аналогия, хотя из более позднего времени, позволяет высказать мнение, что надпись «сребро Ярославле» можно понимать, как «монета серебряная Ярослава».

Взгляды историков и нумизматов на древнейшие монеты, с начала XIX в. и до появления труда Куника о монетах Ярослава Мудрого, разнообразны; на них останавливаться не буду, а ограничусь кратким упоминанием о некоторых авторах. Шлецер и

Круг сомневались в подлинности монет Ярослава; Карамзин, хотя и не сомневался, но не знал, какому князю отнести монеты Владимира. Шодуар считал все древнейшие монеты медалями. Упорно не признавал их за русские Рейхель, считая их болгарскими или сербскими; ему следовали во взглядах Шуберт и Кене, из них последний прославился статьей об открытой им монете Олега.

Первый из русских ученых, который определенно высказался о причинах появления русских чеканных монет, был академик Куник. В исследовании «О русско-византийских монетах Ярослава» (СПб. 1861 г.) он говорит, что большая часть европейских и некоторая часть азиатских государств лишь тогда были достаточно подготовлены к мысли иметь собственную монету, когда религия их, христианская или магометанская, была возведена в государственную и затем утвердилась в народе, а для России во 2 половине IX в. этому благоприятствовали три обстоятельства: 1) основание Российского государства около 860 г., после чего быстро возникла торговля и стала получать более и более известность византийская весовая и монетная система; 2) возведение в 861 г. христианства в государственную религию в Болгарии, изобретение славянского письма, вследствие чего болгары стали способны быть посредниками между Византией и нами; 3) первое введение в 865 г. христианства в Киеве, чем насаждались первые семена образования и т. д. Развитие торговли после основания государства около 860 г., говорит Куник, породило потребность в собственной монете, так как звериные кожи и части их, заменявшие на Руси монету, не могли быть пригодными для оптовой торговли с Азией, и тогда стали лить гривны и рубли по византийскому весу, которые автор и называетходячею монетой; мелкой же чеканной монеты все еще не было, но следующие обстоятельства понудили киевского князя чеканить монету: Владимир крестил Русь, женился на Анне в Корсунии, где познакомился с роскошью города; в Киев приехал греческий митрополит, с ним прибыли мастера, затем пошли в ход всякие художества, выстроилась Десятинная церковь. После этого как легко было Владимиру напасть на мысль чеканить монету, подобно Византийским императорам. Могло быть, что сами Византийцы или поселившиеся в Киеве иерархи подали Владимиру мысль чеканить свою монету и один род медали (здесь Куник говорит об известной золотой «Черниговской гривне» Эрмитажа; о ней скажу ниже).

Доказательства Куника о начале чеканки в разных государствах собственной монеты наивны и, могу сказать, все относятся к области сочинительства. Его объяснения причин связи между началом чеканки монеты в государстве и возведением в нем религии в государственную.—не убедительны. Этот же взгляд поддерживает Н. П. Бауер в статье «Древне-русский чекан» (стр. 301), где он приводит года принятия христианства в 5 государствах

Европы, в которых началась чеканка монеты. Возможно ли принимать это совпадение за закон истории и не видеть экономических причин, заставивших каждое поименованное государство начать чеканить собственную монету, а не пользоваться монетами других государств? Также предположение Куника, что греческий митрополит и византийцы, жившие в Киеве, заставили Владимира чеканить монету, не может быть принято, как не имеющее фактической почвы под собою. И. И. Толстой в своей монографии прибавил новые, но уже фактические доказательства, основанные на «испытанном способе» и на «неизменных явлениях» (пользуюсь выражениями автора). Испытанный способ с точностью определить время закопки клада по содержащимся в нем монетам автор устанавливает по самым поздним монетам клада, который бывает зарыт вскоре после их чеканки. А неизменные явления состоят, во-первых, в том, что расстояние между временем чеканки древнейшей монеты и временем чеканки позднейшей монеты более остальных и они принадлежат той стране, где зарыт клад, а древние монеты принадлежат к более отдаленным странам. В оправдание «испытанного способа» автора скажу, что ему тогда еще не было известно открытие Маркова, что датировка зарытия кладов с сасанидскими монетами (европейские монеты еще не завозились на Русь в то время) не может быть принята в соображение, так как приток серебряных монет с востока прекратился в 1015 г. вследствие недостатка серебра, а потому монеты, чеканенные до 1012—1015 гг. и уже завезенные к нам, могли быть зарыты 100 лет спустя; поэтому клады с куфическими монетами теряют свою силу для датировки могущих в них встретиться русских сребреников. Не могут также служить определением «неизменные явления», так как Толстому также не была известна «Топография кладов восточных монет» А. К. Маркова (СПб. 1910 г.), где автор привел целый ряд кладов с разницей между древнейшею и позднейшею монетами, значительно превосходящею цифры, установленные Толстым в 60—70 лет: у Маркова видим разницу в 211, 218, 298 и даже в 368 лет. Это «неизменное явление» не имеет для нашего вопроса значения, но привожу его, как неверное, что доказывается кладом, найденным в с. Дендсах (А. А. Ильин, Топография кладов древних русских монет X—XI в. № 20), где на 8 ф. 63 зол. восточных и западных монет находилось всего 4 древнейших русских монеты (см. Н. П. Бауер, Древне-русский чекан, стр. 306—307). Из приведенных примеров видим, как рискованно бывает делать выводы по кладам.

А. А. Ильин во вступительной статье к «Топографии кладов древних русских монет X—XI в. и монет удельного периода» (изд. в 1924 г.) дает очерк монетного чекана русских монет домонгольского периода. Исследования о начале чеканки автор не производит, но решает вопрос «по чувству» (по его словам

все исследователи решают этот вопрос по чувству). Чувство говорит автору, что златники и сребреники Владимира I типа (по Толстому) чеканил св. Владимир, и почти одновременно в Новгороде чеканил Ярослав сребреники III типа, остальные же Нежинские сребреники надобно считать пока неприуроченными. В своей статье автор никаких новых взглядов не дает, исключая вопроса о типе Ярослава сребра, прототип которого до сих пор не найден; по мнению автора (стр. 6), человек, создавший монету, должен был иметь перед глазами сасанидские монеты Кобада I и Хозроя II; далее А. А. Ильин дает своему толкованию объяснение, которое приведу при описании типа сребреников Ярослава.

Следующий по времени автор по тому же вопросу Н. П. Бауер статью «Древне-русский чекан конца X и начала XI в.» (изд. 1928 г.) посвящает защите взглядов И. И. Толстого, находя, что «приходится мало что прибавить к основным его положениям» (стр. 297). О некоторых самостоятельных взглядах автора относительно Ярослава сребра и о подражаниях ему я скажу ниже.

Преращение подвоза сребра с востока при развивающейся торговле на Руси, несомненно, должно было повлиять на финансовое положение и Новгорода и южных княжеств и привести к попытке чеканить собственную монету. Но который из князей той эпохи мог быть инициатором денежной реформы? Я бы мог назвать только двоих князей: Владимира киевского и его сына Ярослава, князя новгородского. Но денежный кризис на востоке застал Владимира на склоне дней, и остается только Ярослав, находившийся в эти года во вражде с отцом, когда междоусобной войне помешала только смерть Владимира. Таким образом, я считаю древнейшею русскою монетою Ярославу сребро, чеканенное в Новгороде. Но мы имеем значительный монетный материал, составленный из находок двух кладов, Нежинского и Киевского, и отдельных экземпляров сребреников с именем Владимира, Святополка и др., найденных в разных местах (см. Топографию кладов А. А. Ильина). Распределить монеты представляет большие трудности, доказательством чему служат противоположные взгляды нумизматов на ту или другую монету, что видим из обширной статьи Н. П. Чернева «Заметки о древнейших русских монетах», изданной в 1888 г. Петербургским Археологическим институтом.

Занимаясь тем же вопросом о классификации древнейших чеканных русских монет, я обратил внимание на одну особенность, отличающую все наши упомянутые монеты от современных им иностранных, это на родовые знаки, находящиеся на всех монетах, кроме Тмутороканских. Попытку рассмотреть эти знаки я сделал в статье «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам», напечатанной в 1930 г. в «Известиях Академии Наук СССР». Но прежде, чем изложу мой взгляд

на родовые знаки, остановлюсь на вопросе, что такое родовой быт, одно из явлений которого составляют родовые знаки.

При взгляде на древнейшую русскую монету обращает на себя внимание знак на ее оборотной стороне, который, по его неопределенности, прежними исследователями назывался «загадочной фигурой», а теперь, повидимому, всеми признан «родовым знаком Рюриковичей». Я не буду приводить имен авторов, питавшихся объяснить «загадочные фигуры»: они перечислены в III гл. монографии И. И. Толстого и в моей статье (с дополнениями): «Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах» (см. Археол. Изв. и Зам., т. II, стр. 301). В последней статье изложен взгляд вятского статистика П. М. Сорокина на загадочные фигуры». Взгляд его, по-моему, содержит близкий подход к объяснению знаков на монетах, примененный им по принципу образования родовых знаков из простого в сложный у вотяков, сохранивших родовой быт. То же образование знаков Сорокин нашел в знаках Рюриковичей на монетах. В его статье есть противоречия, отмеченные мною в «Классификации» (стр. 90).

Появление родовых знаков Рюриковичей не может рассматриваться, как явление внезапное, единичное, т.-е. присущее только эпохе чеканки древнейших монет; без сомнения, это явление общее, относящееся к юридическим обычаям, к обычному праву, и с этой стороны к ним подошел П. М. Сорокин.

Древнейшее известие о родовом быте дает нам начальная летопись (П. С. Р. Л., I, 4); она говорит: «каждый жил со своим родом отдельно на своих местах, каждый владел родом своим», но сохранился ли такой родовой быт в XI—XII в.? Можно с уверенностью сказать, что не сохранился. По первоначальному понятию родовой быт заключался в том, что каждое племя состояло из родов, соединенных родственными узами; родом управлял старейший, которому подчинялись остальные члены рода; сородичи владели общим родовым имуществом, были объединены круговой порукой и т. д. С расселением славян родовые связи стали ослабевать, и в X—XI вв. родовой быт уже не имел прежнего характера, и члены родового союза, которые прежде были связаны только родством, теперь, ради имущественных и хозяйственных интересов, стали общаться с другими семьями, и, таким образом, прежний родовой быт нарушился.

Сказанное я отношу к древнему родовому быту всего населения, но те же принципы, отношений должны были существовать и в княжеской семье. Верное, на мой взгляд, объяснение родового начала изложено К. Д. Кавелиным в его труде «Взгляд на юри-

дический быт древней Руси»¹. По его мнению, в древне-русской жизни оба элемента, родовой и семейный, действовали совместно. Вся история областного периода (так называет проф. Багалей период с половины XI до половины XIII в.) есть история родового начала, предоставленного самому себе, история его постепенного разложения и упадка. Ярослав первый задумал установить государственный порядок на родовом начале. Вся Русь должна была находиться в общем владении всего рода Ярослава. Но едва только стали обозначаться отдельные княжеские линии, как они уже стали забывать свое общее происхождение, стали преследовать свои частные, особенные цели; частный, более кровный, семейственный союз исключал более общий, родовой: между ними идет борьба, которая заканчивается победою семейного вотчинного начала. Сначала князья-полуправители, полувотчинники живут между собою согласно, но потом (очень скоро) происходит борьба дядей с племянниками—родового начала с семейственным; начинаются вообще непрерывные войны из-за княжеств. Устраиваются княжеские съезды, но и они не в состоянии поддержать падающего родового начала. Во время и под влиянием этих княжеских распрей развивается политическое значение общин, выражающееся в расширении власти веча. Особенно усилилась Новгородская община, являющаяся типичным образом русско-славянской общины с ясно обозначенными формами быта.

С разграблением Киева Андреем Боголюбским падает прежний центр Руси и вместе с ним и всякий признак политического единства. Потомство Ярослава распадается на несколько ветвей, которые теряют всякое сознание родового единства. Выступает на первый план вотчинное начало: чем владели отцы и дети, тем желают владеть и их потомки; княжеские ветви и фамилии гонимы оседлостью; семья одержала верх над родом. Но и родовое начало сохранилось, только под другою формою: его нужно искать не в целой Руси, а в отдельных землях, княжествах; в каждом из них повторяется то, что прежде наблюдалось в целой Руси; отдельные ветви, в свою очередь, размножаются, между их членами господствует принцип родового старейшинства—является много великих князей.

Рассуждения Кавелина рисуют картину падения родового быта, изложенную по летописям. К этому периоду я отношу начало чеканки русских монет, одних из немногих памятников материальной культуры, отражающих в себе родовой быт помещением родовых знаков Рюриковичей.

Таким образом, появление родовых знаков на монетах Ярослава и его ближайших потомков можно связать с намерением Ярослава установить в государстве порядок, основанный на ро-

¹ Пользуюсь изложением взгляда Кавелина, сделанным проф. Д. И. Багалеем, и его „Русской истории“, т. 1, стр. 220.

довом начале. На этом основании я бы сказал, что до Ярослава появления родовых знаков на монетах быть не могло; следовательно, нельзя допустить, чтобы при святом Владимире могли чеканиться монеты с родовыми знаками.

Распадение родового быта, резко выразившееся в борьбе князей, привело к тому, что родовые знаки просуществовали недолго: судя по сохранившемуся сфрагистическому материалу, в начале XIII в. на печатях они уже начинают прекращаться.

Упомянутая статья П. М. Сорокина побудила меня обратить внимание на имеющийся материал по родовым знакам, более обширный, нежели каким он пользовался, и применить к знакам Рюриковичей принцип вотяков, заключавшийся в изменении знака простого в более сложный. Попытку объяснить родовые знаки на монетах я изложил в статье «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам».

В основание моей классификации я поставил родовые знаки, руководствуясь принципом образования знака из простого в более сложный. Собрав рисунки главных типов знаков на монетах, я разделил их на три группы, которые размещены на прилагаемой таблице I со знаками. В первую группу, наиболее на мой взгляд простую, я поместил знаки со сребреников Ярослава Мудрого (см. фиг. 2—4); но видимая сложность знака Ярослава, имеющего в схеме трезубец, заставила меня предположить, что знак его отца, Владимира, был проще; но такого мы не знаем, и я поместил условно в предшествующее Ярославу колено знак, находящийся на одной привесной печати, найденной в Киеве, имеющий с обеих сторон в схеме вилы (двузубец); печать изображена Н. П. Лихачевым в приготовленном к изданию Альбоме к «Материалам» на табл. LIV, рис. 14; на нашей табличке см. фиг. 1. Думаю, что подобный знак мог иметь отец Ярослава. К сожалению, надписи на печати мне не удалось прочесть.

Во вторую группу я поместил родовые знаки монет с именем Владимира как из обоих кладов, Нежинского и Киевского, так и из отдельных находок. Большое сходство в схеме знаков, которые варьируются только в их нижней части, не изменяя схемы, заставило меня отнести всю вторую группу к одному князю, с именем Владимира; из таковых может быть назван один Владимир Всеволодович Мономах (см. табл. со знаками, фиг. 5—12).

К третьей группе я отнес остальные три знака сребреников, очень сходные между собою по рисунку. Изображены на табл., фиг. 14, 15 и 16. Сребреники с этими знаками я отношу к Изяславу, сыну Ярослава, и двум сыновьям Изяслава: Ярополку Петру и Святополку Михаилу.

Рассмотрев родовые знаки всех сребреников, я пришел к заключению, что самые первые сребреники были чеканены Ярославом Мудрым, когда он был князем Новгородским. Мнение, что Ярославле серебро—монета новгородская, а не киевская, было высказано Н. П. Черневым (Заметки, стр. 75), а затем повторено

А. А. Ильным (Топография кладов древних русских монет X—XI в., стр. 6). В Киеве Ярослав монет, повидимому, не чеканил. Первый Киевский князь, чеканивший сребреники, был сын Ярослава — Изяслав Димитрий (у Толстого его сребреники отнесены к Ярославу Мудрому II типа). К сыну Изяслава Ярополку Петру, князю Вышгородскому, отношу тот сребреник, который Толстым приписывается Ярославу Мудрому I типа (рисунки родовых знаков обоих сребреников см. на табл., фиг. 14 и 15). Монет преемника Изяслава, его брата Всеволода Андрея, не найдено, но монеты Святополка Михаила, сына Изяслава, известны (род. знак см. на табл., фиг. 16).

Для более ясного представления, в каких княжествах чеканились монеты за период времени после смерти Ярослава, прилагаю перечень князей с годами их правления в Киеве, Чернигове, Переяславле и Тмуторокане:

1054. Смерть Ярослава Мудрого.

1054—1078. Изяслав Димитрий Ярославич, вел. князь Киевский.

Ярополк Петр Изяславич, князь Вышгородский, чеканил сребреники в Вышгороде в последние годы княжения его отца.

1078—1093. Всеволод Андрей Ярославич, вел. князь Киевский. Монеты его неизвестны.

1093—1112. Святополк Михаил Изяславич, вел. князь Киевский.

1078—1113. Владимир Василий Всеволодович Мономах, князь Черниговский по 1094 г., с 1094 по 1113 г. князь Переяславский.

1113—1125. Владимир Мономах, вел. князь Киевский.

1083—1094. Олег Михаил Святославич, князь Тмутороканский.

Важным значением для хронологии некоторых типов сребреников обладают перечеканки, обнаруженные Толстым на описанных им экземплярах сребреников (см. его монографию, стр. 190—191). Им установлено, что на сребренике Владимира I типа (с изображением Христа) чеканены монеты Владимира II типа его классификации. На монетах II типа чеканены сребреники III типа. На сребренике того же II типа чеканен сребреник Святополка. Таким образом, перечеканка показала сравнительное старшинство всех сребреников Владимира Мономаха моей классификации и что сребреники Святополка Михаила чеканены позднее сребреников Владимира Мономаха II типа по классификации Толстого.

Из сказанного видим, что период чеканки древнейших русских монет, считая первый их выпуск в Новгороде, длился около 100 лет. К этому периоду упадка родового быта я отношу все привесные печати с родовыми знаками, изданные в Альбоме к «Материалам» Н. П. Лихачева, и другие памятники, родовые знаки на которых изданы на табличке в «Классификации». Но, несомненно, памятники родового быта существовали ранее периода его упадка: указания на них имеются в Летописи и в «Русской Правде»; последняя отмечает знаки на бортовых деревьях и на бортах,

но подобные знаки до нас дойти, конечно, не могли. Задача будущего исследователя памятников родового быта будет состоять в пересмотре всех древних предметов домашнего быта, преимущественно металлических, как, напр., посуды, украшений, находимых в курганах, денежных слитков и т. д.; на многих увидим знаки собственности и родовые.

В дополнение к указанному материалу приведу выдержку из письма ак. Куника к И. И. Толстому, которое последний напечатал в своей монографии, стр. 182—186. В письме излагается мнение о «загадочной фигуре». Между прочим, Куник пишет: «Так как фигура эта находится не только на монетах Владимира, но и на монетах его двух сыновей, Святополка и Ярослава, то нужно было бы исследовать, не представляет ли она собой семейное знамя, фамильный знак. Не пускаясь тут в подробности, замечу только, что такие родовые знамена возникали из знаков собственности, которые у языческих государей одновременно заменяли печати. Когда гамбургский архиепископ Ансгар готовился в 852 г. к своему второму миссионерскому путешествию в Швецию, то дружественный ему языческий князь Горик Ютландский прислал ему своего посла в Швецию со своим хирографом (рукопись). Об этих хирографах нередко упоминается в исландских сагах. Именно, послы получали их для удостоверения их личности перед государем, к которому они были посланы. Нет сомнения, что об них упоминается в договоре Игоря 944 г. (ношаху сли печати злати, а гостье сребрени); после 944 г. их заменили писанные верительные грамоты».

По выводам Кавелина родовый быт разрушился после Ярослава Мудрого, но родовые знаки на сребрениках и златниках, затем на привесных печатях князей XII в. указывают, что пережитки родового быта еще сохранились, иначе нельзя объяснить появления родовых знаков на монетах и печатях. Окончательно родовые знаки исчезают, судя по датированным памятникам (печатям), у князей 9-го колена рода Рюрика, т. е. в начале XIII в. (см. об этом выше).

Как видно из слов Куника, родовые знамена возникли из знаков собственности. В период чеканки сребреников оба понятия—родовой знак и знак собственности—сливаются; напр., на монетах знаки могут называться и родовыми и знаками собственности; так как право чеканки монет есть право князя, следовательно, монеты являются его собственностью. Знаки на кирпичах, изданные в «Классификации», могут быть также названы знаками собственности, как изделия княжеского завода. Все родовые знаки на товарных пломбах одновременно являются знаками собственности владельца товара. Таким образом, как тот, так и другой—юридические знаки и по назначению своему равносильны, но различие их состоит, по-моему, в том, что родовый знак в X—XI вв. являлся наследственным с некоторым изменением в форме, а знак собственности мог и не быть наследственным; Ефименко указывает

на такой случай, когда бортовой знак, при переходе к другому лицу, оставался прежний.

Появление знаков собственности относится к отдаленному времени. Ефименко (Юридические знаки, Ж. М. Н. П., 1874 г. Октябрь, стр. 74) пишет: «В древнейшем русском законодательном памятнике, Русской Правде, мы найдем прямое доказательство исконного существования знаков собственности у наших предков. Знаки эти известны в Русской Правде под тем же самым именем, какое и ныне дается Архангельскими крестьянами, т. е. под именем пятен и знамен». В Русской Правде¹, в том месте, где говорится о таврении лошадей, сказано: «А за княжь конь, иже тои съ пятномъ, 3 гривне» (Список 1-й, статья 25). О наложении знамен на борти можем видеть из следующего текста: «Аже разнаменаеть борть, то 12 гривенъ» (2-й список, статья 64).

Из летописных текстов по тому же вопросу Н. П. Лихачев отмечает в «Материалах», вып. II, стр. 195, два места из Ипатьевской летописи (П. С. Р. Л., II, изд. 2-ое, стр. 60 и 99). Первое, под 947 г., гласит: «иде Вольга Новугороду и устави на Мьсте повости и дани... и ловища ея суть по всей земли знамянья и места и повости». Второе, под 1170 г., сообщает о наветах на вел. кн. Мстислава Бориславичей, Петра и Нестора, озлобленных на князя «про ту вину оже бяху холопи его покрале коня Мьстиславли у стаде, и пятны свои въсклале, рознаменявауче». Из текста видно, что княжеские кони были помечены особыми знаками, а украшения коней наложили свои, т. е. перепятнали.

Возвращаясь к знакам на монетах, скажу, что, как видно из сделанного обзора как в «Классификации», так и в настоящей статье, принцип их образования, принятый мною, более всего оправдывает себя в знаках Рюриковичей, ближайших потомков св. Владимира, определенных монетами; но среди знаков на печатях есть случаи, которые не подчиняются принятому мною правилу образования знака из простого в сложный; такой пример укажу в фиг. 25 «Классификации», на которой изображен знак, отнесенный мною к Всеволоду III Большое Гнездо, прямому потомку Ярослава: несмотря на такое близкое родство, знак не имеет признаков основных очертаний знамени первых Рюриковичей—двузубца или трезубца. Не вполне меня удовлетворяет другое определение родового знака на фиг. 27 «Классификации», отнесенного мною к Юрию Долгорукому: округлые контуры знака отклоняются от угловатых двузубцев или трезубцев первых потомков Владимира. Этот знак рассматривает Н. П. Лихачев во II вып. «Материалов», стр. 205—206, относя его, без указания имени владельца, к «очень высокопоставленному лицу» конца до-монгольского периода. Признавая отклонение от того типа, который признается типом знамени Рюрикова рода, автор видит в нем трезубец Ярослава, только в закругленной форме и с отростками вверху и внизу средней черты.

¹ Калачов. Текст Русской Правды по 4 спискам. М. 1847 г.

Необъясним для меня факт принадлежности одного знака двум разным лицам. Как известно, имена владельцев печатей с родовыми знаками определяются изображениями святых, тезоименитых владельцам; в «Классификации» я отметил 2 случая (стр. 105, 106 и 108), когда на двух печатях с одинаковыми родовыми знаками изображены разные святые, следовательно, два лица имели один и тот же знак.

Отмеченные случаи отклонения от принятого мною правила образования родовых знаков указывают, что знаки приписанные мною Всеволоду III и Юрию Долгорукому, или принадлежат Рюриковичам другой линии, или правила образования знаков имели какие-либо отклонения от принятого мною принципа образования знака.

Переходя к описанию главнейших типов первых русских монет, скажу, что в научный обиход они попали очень поздно, благодаря скудному материалу. До находки Нежинского клада единичных экземпляров монет было мало, упоминалось только серебро Ярославле, о котором, по экземпляру Мусина-Пушкина, конференц-секретарем Академии Художеств Фелькнером в 1797 г., впервые в литературе, были даны сведения в Лейпцигском *Allgemeiner litterarischer Anzeiger*. Вот образец описания ученого немца¹: «На лицевой стороне находится поколенное изображение св. Георгия с славяно-русским написанием его имени Георги... На оборотной стороне, вокруг герба—надпись Ярославле серебро, а в самом низу—три буквы М. А. Н., обозначающие: «монета одной ногой».

Если описание Фелькнера курьезно, то не менее курьезно сообщение о монете Владимира, сделанное германским послом имп. Леопольда Мейербергом, посетившим Москву в 1661—1662 гг. и оставившим описание своего путешествия с рисунками: на одной из таблиц атласа к его путешествию изображены русские монеты, между которыми видим рисунок деньги вел. кн. Василия Ивановича Московского, чеканенной по новгородской стопе. Подобные деньги изданы в «Русских монетах до 1547 г.» №№ 673—677, рис. 521—525, на табл. XI. О рисунке у Мейерберга сужу по Дрезденскому альбому, цинкографически изданному Сувориным в 1903 г. Около рисунка приписано следующее описание монеты: «старая серебряная полукопейка Владимира, Киевского герцога, господаря всей Руси». На рисунке монеты альбома Мейерберга заметна попытка рисовальщика написать имя Владимир: видно окончание имени «димир».

Конечно, описания обоих авторов ничего не дают для русской нумизматики, но описание Мейерберга важно тем, что у немцев в XVII в. было какое-то представление о монетах Владимира, киевского герцога, которые, 200 лет спустя, Рейхель не хотел признать за русский чекан.

¹ Выписываю из монографии Толстого, стр. 63.

Первое описание древнейших монет, с попыткой их классифицировать, составлено Я. Я. Волошинским в 1853 г.: «Описание древних русских монет, принадлежащих минц-кабинету имп. университета св. Владимира, из числа найденных близ Нежина в мае месяце 1852 г.». В кладе находилось около 200 монет, которые все разошлись по рукам, и власти успели собрать только 70 экз., из них 31 были отданы в университет. Описанию университетского собрания посвящен труд Волошинского. Автор распределил монеты между 5-ю великими князьями: св. Владимиром, Ярославом Мудрым, Святополком Михаилом, Владимиром Мономахом и Георгием (предположительно Юрием Долгоруким).

После Волошинского в 1860 г. появляется исследование А. А. Куника «О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича», посвященное, главным образом, монетам Ярослава Мудрого. Рассуждения автора о причинах, вызвавших чеканку русских монет, я привел выше. Первым князем, чеканившим монеты, он считает св. Владимира; относительно монет прочих князей он впоследствии примкнул ко взглядам И. И. Толстого.

В 1882 г. И. И. Толстой издал обширную монографию «Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского», где дал всему известному в то время монетному материалу, тщательно им собранному и с прекрасными репродукциями монет, новую классификацию, распределив монеты между тремя князьями: св. Владимиром, его приемным сыном Святополком Окаянным и Ярославом Мудрым. Классификацию автор построил, «основываясь по возможности на археологически неопровержимых фактах» (стр. 190), о чем я писал выше. К теориям Толстого скептически отнесся Н. П. Чернев в «Заметках о древнейших русских монетах» (СПб. 1888 г.), посвященных разбору монографии Толстого; особенно нападает Чернев на выводы автора, основанные по кладам. «Вообще,—пишет Чернев,—клады, разнообразные по своему содержанию и обнимающие собою значительный период времени, являются, по нашему мнению, плохим способом для определения случайно попавшей в них одной какой-нибудь монеты. Здесь географические и хронологические границы раздвинуты широко, фантазии исследователя дается большой простор, и ошибка в приурочении неопределенной монеты той или другой стране и тому или другому лицу является весьма легкой».

На критику Чернева Толстой ответил обширной статьей, помещенной в VI т. Зап. Имп. Русск. Археолог. О-ва, стр. 310—382, «Древнейшие русские монеты X—XI вв.» (1893 г.), в которой остался при прежнем мнении.

Вопроса о кладах с куфическими монетами я коснулся в статье «Задачи русской нумизматики древнейшего периода» (Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком., № 54, 1917 г.), указав, что восточные монеты поздней чеканки, как, напр., в Переяславском кладе, для датировки значения иметь не могут и ставить дату местных неопре-

деленных монет, на основании дат на иностранных монетах, я считаю рискованным: всегда возможно ошибиться на много лет.

Определению хронологических дат в кладах с западно-европейскими монетами посвящена статья Н. П. Бауера «Древнерусский чекан конца X и начала XI вв.» (Изв. Гос. Ак. Ист. Мат. Культ., т. V, 1927 г., стр. 296—318). В ней автор рассмотрел 7 кладов, зарытых, по его определению, между 1010 и 1040 г., с монетами западного чекана, заключающих большую часть по одной русской в каждом кладе; русские монеты принадлежат всем 4 типам монет Владимира (по классификации Толстого) и II, III и IV (sic!) типам Ярослава. Четвертым типом автор называет норманское подражание сребреникам Ярослава. Нового автор ничего не дает, заявляя, что теперь (в 1927 г.), много лет спустя после выхода в свет «Опыта» (так называл Толстой свою монографию), приходится мало что прибавить к его основным положениям; следовательно, Бауеру остается только принять доказательства, что русские монеты, найденные в кладах, чеканены не позднее дат зарытия клада, поставленных автором, а определения дат обычные: берется позднейшая западно-европейская монета клада, к году ее чеканки прибавляется 7—8 лет, и дата зарытия клада готова. Правильны ли подобные приемы для определения времени зарытия кладов? Кто знает, какие обстоятельства заставили владельца зарыть свои деньги? Это могло случиться не на 7—8 лет позднее указанной автором позднейшей монеты клада, а на 30—40, тогда все выводы автора рушатся.

Шаткость доказательств И. И. Толстого и Н. П. Бауера в определении дат древних русских монет по кладам, затем неразработанность вопроса, каким князьям принадлежат дошедшие до нас монеты, заставили меня отнестись к этому вопросу пока условно. Утвердившийся между русскими нумизматами взгляд, что первый князь, чеканивший монеты, был св. Владимир, помимо других соображений, основанных на родовых знаках, не кажется мне логически приемлемым, потому что монет его сына Ярослава, князя культурного и просвещенного, чеканенных во время его 35-летнего княжения в Киеве, не находят в районе его княжения, вследствие чего справедливо относят Ярославле серебро к Новгороду. Такое соображение убеждает меня, что монет в Киеве при св. Владимире, Святополке Окаянном и Ярославе Мудром не чеканили и Ярославле серебро стоит особняком, как новгородская, а не киевская монета.

Продолжая свой разбор монографии И. И. Толстого, Чернев, для определения места чеканки некоторых сребреников, применяет топографический метод, давно известный в науке; даже Волошинский (у. с., стр. VI) счел нужным припомнить его: «Немаловажную также роль играет в нумизматике место находки нумизма, в особенности когда происхождение его сомнительно». Чернев придал особое значение тому обстоятельству,

что сребреники Владимира с изображением Христа на обороте не встретились в Нежинском кладе, а находятся исключительно в пределах Киева, кроме 4 экз., привешенных к ожерелью, найденных в кургане Могилевской губ. Сребреники и златники Владимира с типом Христа Чернев (у. с., стр. 69—70), на основании внешних признаков, относит скорее к XII в., нежели к X или началу XI в., поэтому в имени Владимира видит имя Владимира Мономаха, но не Владимира Святого. Сребреники же Владимира Нежинского клада, по месту их находки на территории княжества Черниговского (стр. 63—65), он относит к князю Черниговскому Владимиру Давидовичу (1139—1151). На монетах с именем Владимира II типа по классификации Толстого Чернев (стр. 20) не мог прочесть имени Владимира и отнес их в разряд неопределенных. Также он не читает имени Святополка на монетах, относимых Толстым Святополку Окаянному.

Соглашаясь с Толстым в чтении надписей на сребрениках Владимира III и IV типа, Чернев подверг существенному разбору надписи на сребрениках, принадлежащих, по мнению Толстого, Ярославу Мудрому I и II типа. Кроме «Заметок» (стр. 39—55) Чернев посвятил им другую статью под заглавием «О нежинских сребрениках с именем „Петр“» в «Сборнике снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках», вып. 3 и 4-й (Киев, 1891 г.), но подробнее я буду говорить об этом далее при описании монет.

Сребро Ярославе Толстой называет III типом монет Ярослава, с чем соглашается Чернев, только считает их чеканенными в Новгороде, а не в Киеве (стр. 74—75), так как более всего сребреников Ярослава было найдено в Новгородской области. О взглядах А. А. Ильина и Н. П. Бауера я говорил выше.

Вот приблизительно в каком состоянии находится классификация древнейших русских монет.

Переходя к описанию главных типов первых русских чеканных монет и к их классификации, я буду руководствоваться теми выводами, которые мною изложены в статье «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам».

Все нижеописанные монеты расположены по времени их выпуска, т. е. по классификации И. И. Толстого, основанной на перчеканке сребреников (см. его монографию, стр. 190), а не в географическом порядке, т. е. по княжествам, для которых монеты чеканены. Если придерживаться географического распределения, то в монетах Киева пришлось бы после монет Святополка Михаила поместить монеты Владимира Мономаха с типом Христа на обороте, что неверно, так как они чеканены ранее, когда Владимир княжил в Чернигове; поэтому я отступил от географического распределения, а взял распределение по времени выпуска монет в обращение, т. е. хронологическое, чтобы показать на типах монет, насколько последние выпуски сребреников Мономаха по исполнению стоят выше первых.

Для распределения монет в муноц-кабинетах я предложил бы следующий проект расположения их по городам, основанный на изысканиях в нумизматике русских монет до-монгольского периода:

Новгород. Сребреники Ярослава Мудрого.

Киев. Сребреники в. к. Изяслава Ярославича.

» . » в. к. Святополка Михаила Изяславича.

» . » в. к. Владимира Мономаха с изображением на обороте вел. князя, сидящего на престоле.

Вышгород. Сребреники князя Ярополка Изяславича.

Чернигов. Златники и сребреники кн. Владимира Всеволодовича Мономаха с изображением Христа на обороте.

Переяславль. Сребреники кн. Владимира Мономаха с изображением князя в плаще или кольчуге.

Тмуторокань. Монеты князя Олега Святославича.

НОВГОРОД

Князь Ярослав Георгий Владимирович (987—1019)

Ярослав, сын Владимира от Рогнеды-Гориславы, получил в удел в 987 г. Новгород. В 1014 г. он отказался платить отцу обычную дань в 2000 гривен; за этот отказ Владимир решил идти на сына, но болезнь, затем смерть Владимира в 1015 г. предотвратила междоусобную войну. В 1019 г. Ярослав вступил на Киевский стол после 3-летней войны со Святополком, который бежал и вскоре умер.

Выше я привел мнение Н. П. Чернева и А. А. Ильина о чеканке монет Ярославом в Новгороде по месту их находок в Новгородской области; к их мнению присоединяюсь и я; таким образом, сребреники Ярослава являются древнейшими русскими монетами; когда они начали чеканиться, определить пока невозможно, но предположительно допускаю, что время начала их чеканки можно отнести к годам монетного кризиса на Востоке, вызвавшего прекращение притока серебра на Русь, т. е. около 1015 г.

Н. П. Лихачев, во II вып. «Материалов», в главе «Знак Рюриковичей и родовые знаки», на страницах, посвященных серебру Ярославлю, пишет: «Удивительное золото и серебро русских князей является нумизматической загадкой, и вопрос о том даже, монеты ли это, не может считаться окончательно решенным». В подстрочном примечании, на той же 178 стр. автор пишет, что все выдающиеся нумизматы признали их (т. е. сребреники) монетами и Н. П. Бауер в своей работе «Древне-русский чекан» определенно высказался, что это монета. Дальнейшие рассуждения Н. П. Лихачева, как увидим, ведут к полному развенчанию из монет всех златников и сребреников.

Н. П. Бауер в статье «Древне-русский чекан», стр. 298, признает Ярославле серебро монетою, а на стр. 317 той же статьи противоречит себе; в подстрочном примечании он пишет: «Что касается Ярославля серебра, то я не склонен считать его монетой». Возможно ли доверять таким исследованиям!

Известных экземпляров Ярославовых монет очень немного: Толстой описал 5 экземпляров, в число которых включены медные отливки с подлинных монет. К описанным должны быть прибавлены упомянутые в «Топографии кладов» А. А. Ильина №№ 13,

17 и 18. Вот пока все известное количество. Факт нередкий в нумизматике: нам известно много случаев, перечислять которые нет надобности, из всех эпох древности и средневековья, когда какой-нибудь город или династ оставляли по малому количеству своих монет, что не мешало нумизматам и научным исследователям эти уникальные экземпляры считать монетами, а не какими-нибудь «знаками».

Разбирая текст первоначальной летописи (т. I, 20) Н. П. Лихачев в «Материалах», вып. I, стр. 63—64, говорит: «А теперь великий князь русский решил посылать корабли, снабжая их верительными грамотами. Если корабли приходили без таких грамот, то по уговору греки приезжих задерживали и наводили справки. По этому известию выходит, что печати играли роль верительных грамот». Печать и грамота не одно и то же; ни тех, ни других от X века пока не находим, но придавать монетам роль печатей или верительных знаков считаю недопустимым.

Я привел выше отрицательный взгляд Н. П. Бауера на серебряники Ярослава, как на монету; еще сильнее выражает свое мнение в этом направлении Н. П. Лихачев (у. с., II, стр. 178): «Ярославле серебро—метеор. Экземпляры настолько уникальны, что о распространении их, как монеты, не может быть и речи. Вот почему опять вспоминается давний обычай «ношаху сли печати злати, а госте сребрени», и напрашиваются предположения по следующей схеме: по смерти отца Ярославу представилась необходимость создать свое «злато» и «серебро», как верительные знаки от своего имени. Такая «печать» была изготовлена, с наибольшей вероятностью, в Новгороде и мастером, знакомым с византийским искусством, несколько других матриц (по крайней мере две) были скопированы мастерами, внесшими в византийский стиль изображения многозначительные отмены. В то же или почти в то же время для уплаты варягам было вычеканено небольшое количество монет по изображениям, представлявшим вольное подражание великокняжеской «печати».

Далее автор пишет о норманских подражаниях серебряникам Ярослава, изготовленных, по его мнению, в Новгороде. В этом автор сходится со взглядами Н. П. Бауера, о чем подробнее скажу ниже. При рассмотрении вопроса о весе (стр. 187—189) и обращая внимание на большие колебания, т. е. разницу в весе между отдельными экземплярами, в серебряниках остальных князей, автор говорит: «Какая же это монета с произвольным весом? А при знаках-печатах такое явление было бы понятным и легко объяснимым».

Признать отрицание автором серебряников, как монеты, не считаю возможным, не видя в приводимых им доказательствах тех фактов, против которых спорить нельзя. О наименовании их прикладными печатями я уже говорил, что их применять к печатанию невозможно, а для того, чтобы считать их привесными—не видим ни одного признака печати: ни ушка, ни канальца для

шнура. Превращение монет в верительные знаки, с легкой руки И. Е. Забелина, никакими документальными данными не подтверждается, и известный текст летописи (ношаху сли), приводимый историками, как я выше сказал, доказательством служить не может. Уникальность монет также не служит доказательством; монет Олега Тмутороканского известно еще менее, нежели сребреников Ярослава, но автор, хотя с колебаниями, все же описал их как монеты (Материалы, вып. I, стр. 144).

Сребреников Ярослава отчеканено было более значительное количество, нежели можно судить по малому числу сохранившихся экземпляров: 6 описаны Толстым (норманские подражания я не считаю), к ним прибавляются: сребреник Берлинского собрания, обломок сребреника, найденный в Новгороде, и сребреник Эрмитажного собрания, найденный на острове Эзеле; последние 3 сребреника описаны с изображениями Н. П. Лихачевым во II вып. «Материалов», рис. 163, 164 и 166.

Упомянутые 9 сребреников, в числе которых 3 медных отливки, имеют не менее 3 матриц, указывающих, что количество отчеканенных сребреников было значительно. Отливки я не нахожу возможным относить к фабрикации XIX в., так как оригинал, с которого они литы, неизвестен, но государственною монетою их считать нельзя: надпись на них «сребро Ярославле, не соответствует металлу меди. Чернев (Заметки, стр. 75—76) считает их, соглашаясь с Прозоровским, монетами, выпущенными по случаю государственной крайности (Nothmünzen) с принудительным курсом. Если бы это были Nothmünzen, то зачем их отливали, а не чеканили, как это видим на «сребренике» Владимира с типом Христа, отчеканенном из меди; он издан Черневым в 3 и 4 вып. «Сборника снимков с предметов древности», стр. 11—12. Этот экземпляр найден в Киевском кладе вместе с серебряными монетами. Медные отливки Ярославова сребра я считаю отлитыми также со злым умыслом, но в древнее время.

Кроме сребреников Ярослава, несомненно, русской чеканки, Бауер вносит в число русских монет также норманские подражания монетам Ярослава, называя их монетой Ярослава IV типа. Кроме описанного экземпляра в монографии Толстого под № 110, литература об остальных подражаниях и копии приведена Н. П. Лихачевым во II вып. «Материалов», стр. 180—183. О подражаниях Н. П. Бауер (у. с., стр. 316) пишет следующее: «Наименование копии скандинавским подражанием ничем не доказано и вряд ли чем может быть оправдано. Находка его за пределами России и происхождение от времен однообразного денежного обращения на всем севере и востоке Европы ничего не доказывает: завтра его могут найти и в России, что, впрочем, также само по себе ничего не определит».

Н. П. Бауер приводит свои взгляды без доказательств, это — лишь одни измышления. В ответ могу сказать о тех же подражаниях, как я их представляю: наименование копий скандинав-

ским подражанием доказывается общим их стилем, варваризацией надписей, искажением родового знака; все эти промахи мог сделать только мастер норман, что и подтверждается находками их вне пределов России и т. д. Бауер далее продолжает, что мало вероятно со стороны шведов, норвежцев и датчан допустить подражания, когда они чеканили собственную монету. Все приведенные рассуждения заставляют автора признать в норманских подражаниях четвертый русский тип Ярослава серебра. Возражая автору, скажу, что подобные подражания в древних и средневековых государствах явление нередкое: нам известны подражания византийским монетам в Венгрии Engel et Serrure, Traite, t. II, 889), в Грузии (id., 926), у арабов (В. Тизенгаузен, Монеты восточного халифата. Спб., 1873 г. Труды Моск. Нум. О-ва, III, 156) и т. д., одним словом, в таких государствах, которые, чеканя собственную оригинальную монету, тем не менее, по каким-то причинам, чеканили и подражания. О подражаниях в античном мире нечего и говорить, стоит припомнить монеты Афин, Александра Македонского, Лисимаха и пр., которым подражали многие государства древнего мира и раннего средневековья.

Н. П. Лихачев о подражаниях серебру Ярослава пишет в духе рассуждений Бауера, «высказавшегося в желательном для нас смысле» (см. «Материалы», в. II, стр. 179). Автор говорит, что одновременно с чеканкою сребреников Ярослава было отчеканено для уплаты варягам дани небольшое количество монет, по изображениям, представившим вольное подражание великокняжеской печати. Неясность и противоречие чувствуется в приведенных словах: сребреники Ярослава не признаются автором за монеты, но для уплаты дани варягам в том же Новгороде «в небольшом количестве» чеканятся монеты—подражания сребреникам с искаженным родовым знаком Ярослава. Возможен ли и допустим ли такой факт?

Вопрос, по какой системе чеканились наши древнейшие монеты, не был разработан русскими учеными. Толстой оставил его в своей монографии открытым, но ему казалось более чем вероятным, что древнейшие монеты, судя по их весу и форме, должны были заменить обращавшиеся в России до X—XI в. диргеми (стр. 58). Переходя к вопросу о весе, Н. П. Лихачев (Материалы, в. II, стр. 183 сл.) говорит, что предположение Толстого он находит вполне естественным и, следовательно, искать их весовую систему надобно в связи с византийской или восточной. Но то обстоятельство, что Толстой, многие годы занимавшийся византийской нумизматикой, не высказался определенно, показывает, что в этом вопросе имеется какая-то точка преткновения, мешающая явному указанию на византийские образцы и приблизительно сходный с диргемами размер. Далее автор дает вес монет Ярослава и других сребреников. Вес сребреников Ярослава такой: Новгородский экземпляр, поломанный, в

целом виде должен был иметь не менее 4,5 гр.; Строгановский весит 3,78 гр.; прочие потертые весят: 3,1 и 3,2 гр. Переходя к весу других сребреников, Н. П. говорит, что нормальный вес полновесного сребреника Владимира с типом Христа превышал 3,25 гр. и был около 3,5 гр. Типы Христа и св. Георгия заставляют автора ставить сребреники в зависимость от византийских образцов. В связи с византийскими типами Н. П. обращается к византийской монетной системе серебра, которая до сих пор включает ряд нерешенных вопросов. Основная серебряная монета в Византии была миллиаресий, появление которого относят к Константину Великому. Слово миллиаресий, по последним исследованиям, означает 1000 единиц, но не $\frac{1}{1000}$ часть золотой литры, как думали ранее. При Ираклии миллиаресий теоретически получает вес 3,41 гр. Н. П. Лихачев собрал ряд весов серебряных византийских монет эпохи чеканки наших сребреников по материалу, собранному W. Wroth'ом, у которого средний вес получился от 2,22 гр. до 2,85 гр. Н. П. сам перевешивал Перновский клад серебряных монет Василия II и Константина VIII, средний вес получился 2,92 гр., по его мнению, несколько превышающий норму. Шведский ученый проф. Арне описал клад серебряных монет Василия и Константина и Константина Мономаха, давших средний вес 2,75 и 2,80 гр. и около 2,9 гр. Сообщив вес, Н. П. выводов не дает, но делает примечание, что сребреники Владимира I типа и Ярослава III типа (по классификации Толстого) тяжелее серебряных византийских монет той же эпохи.

Нельзя не упомянуть исследования проф. И. И. Кауфмана «Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейших времен» (Зап. Нум. Отд. Русск. Арх. Общ., I), ввиду того, что автор как бы ответил на вышеприведенные слова И. И. Толстого, что наши сребреники должны были заменить диргемы, обращавшиеся в России. Проф. Кауфман (стр. 175) видит полное тождество русского фунта с иракским. Из этого автор делает вывод (стр. 177), что средний вес златника Владимира совпадает с весом арабского динара. Аналогичный вывод проф. Кауфман делает и для сребреников. Он говорит (стр. 187), что вес арабского диргема составляет $\frac{2}{3}$ золотника и никакого сомнения не может быть, что, при чеканке серебряной монеты, св. Владимир шел за арабами: из гривны (слитка) в 96 зол. он чеканил, подобно арабам, 144 сребреника, и потому каждый его сребреник имел вес $\frac{2}{3}$ золотника.

Приведенные обоими авторами весовые материалы дают приблизительно одинаковые выводы; но по вопросу, какой системе, византийской или арабской, следовал Ярослав—могу сказать, что преимущество я отдал бы Византии, на которые монеты которой походят типы златников и сребреников Владимира с изображением Христа; также некоторые лицевые стороны сребре-

ников имеют сходство с византийскими типами монет, на что указал Толстой в «Древнейших русских монетах X—XI в.».

Мы имеем еще один вид монет, хотя в незначительном количестве, всего 3 экземпляра, это—серебряные монеты Олега-Михаила Тмутороканского, вес которых: 1,35 гр., 1,31 гр. и 2,08 гр., который соответствует весу полумилиаресиев Михаила VII Дуки, современника Олега-Михаила. По образцу монет Михаила Дуки, т. е. по их весу и даже по формуле надписи, чеканены монеты Олега Святославича.

Разнообразие веса в отдельных экземплярах сребреников препятствует нам сделать точные выводы, необходимые для выяснения системы, по которой чеканились наши древнейшие монеты. Но какая-то система все же была, и я думаю, что только веса серебряных византийских монет придерживались первые князья.

Тип древнейших русских монет вполне оригинален, только златники и сребреники Владимира Мономаха с изображением Христа на обороте напоминают византийские монеты, но для типа остальных сребреников нельзя указать ни одной монеты средневековья, которая напоминала бы наши сребреники. Главная их особенность—родовые знаки, занимающие поле оборотной стороны, что придает им особый характер. Инициатива ввести тип монеты с родовым знаком принадлежит, я уверен, Ярославу Мудрому, который стремился установить государственный порядок на родовом начале, что мы видели в приведенном выше взгляде К. Д. Кавелина. А. А. Ильин (Топография кладов, стр. 6) видит в типе сребреников Ярослава влияние востока. «Я бы сказал,—пишет он,—что человек, создавший монету, должен был иметь перед глазами сасанидские монеты Кобада I и Хозроя II». На подражание типам сасанидских монет А. А. Ильин не указывает, что вполне справедливо, так как ни тот, ни другой типы ничего общего между собою не имеют, но влияние востока А. А. видел, вероятно, в тождестве плана композиции обоих художников, и сасанидского и русского: на лицевых сторонах изображения людей, на оборотных эмблемы государственной власти, хотя для русских монет это не совсем точно: родовой знак есть личный знак князя, но не государственный.

Откуда произошел тип лицевой стороны монет Ярослава? И. И. Толстой в статье «Случай применения византийской сфрагистики к вопросу по русской нумизматике» (см. Труды VII Арх. съезда в Ярославле, т. II) занялся определением прототипа монет Ярослава, взяв источником для исследования труд Куника «О византийско-русских монетах Ярослава Владимировича», где Куник высказал мысль (стр. 114), что Ярослав перенес на монету лик св. Георгия со своей печати, неизвестной до сих пор. В 1884 г. вышел обширный труд Шлумберже «La sigillographie de l'empire byzantin», обильно украшенный изображениями привесных печатей,

среди которых Толстой нашел на ряде византийских печатей несколько изображений св. Георгия, аналогичных изображению на монете Ярослава. Отмеченные рисунки печатей он приложил к своей статье, их 37 из эпохи X—XIV вв. Действительно сходство русского изображения св. Георгия с византийским, особенно с № 2 на таблице, очень близко. Но теперь найдена собственная печать Ярослава Мудрого. Н. П. Лихачев, в «Материалах», вып. I, стр. 155, Альбом, табл. XXVI, рис. 7, издал свинцовый моливдовул с погрудным изображением влмч. Георгия типа, как на сребренике, и с греческою надписью имени по сторонам головы. Обратная сторона занята 4-строчною надписью: +KEROΘΩCΩΛO ΓEOPYA/PX = Господи, помози рабу твоему Георгию, архонту¹. Для объяснения титула «архонт» Н. П. привел доказательство, что титул архонта на Руси мог носить только князь, указав, что патр. Фотий в своих «Беседах», по поводу нашествия Руси, именует начальника Россов Аскольда (?) архонтом. Восстанавливая надпись обратной стороны, Н. П. говорит, что мастер резчик совсем не знал греческого языка; затем находка моливдовула в Черниговской губ., недалеко от древней Городни, тип его, работа, неправильность греческой надписи позволяют признать его печатью великого князя русского, а тип X—XI вв. заставляет припомнить великого князя Ярослава Владимировича, нареченного при крещении Георгием. Грубость изображения великомученика, сравнительно с его типом на сребренике, указывает, что мастер резал матрицу для сребреника не с подобного моливдовула, а с хорошего византийского оригинала.

О слове «аминь», которое читаем (в греческой транскрипции) на краях всех сребреников Ярослава,—кроме экземпляра, найденного в Новгороде, изданного Н. П. Лихачевым в Альбоме к «Материалам», табл. LIII, рис. 16, в нат. величину и с одной лицевой стороны в увеличенном виде во II вып. «Материалов», стр. 177,—я писал в «Классификации», стр. 92—94, не признав его заключительным словом к молитвенному обращению к св. Георгию; молитвы к св. Георгию на сребренике нет, и я считаю «аминь» удостоверением как родового знака князя, так и надписи «Ярославле серебро».

Собрание монет Исторического Музея не имело до последнего времени сребреника Ярослава, поэтому в качестве иллюстрации к сказанному о его монетах помещаю снимок с лучшего по сохранности сребреника (по гальванопластической копии) из б. собрания Строганова, теперь в Гос. Эрмитаже.

1. Лиц. ст. Погрудное изображение влмч. Георгия в плаще, застегнутом запоною у правого плеча, с копьем и щитом в руках,

¹ Восстановление греческой надписи приведено у автора, куда отсылают читателя.

впрямь. По сторонам греческая надпись: ΘΓΕ «ГЮ. Кругом два бусовых ободка, между которыми 4 розетки из точек.

Об. ст. Родовой знак, в середине которого шесть точек. Кругом знака—надпись кириллицей: ЯРОСЛАВЛЕСЪРЕВРО. По краю два бусовых ободка, между которыми расставлены буквы греческой надписи ΑΜΗΝ.

Вес 3,78 гр. Особенность, замеченная в греческой надписи Н. П. Лихачевым (стр. 175), это буква Ρ, имеющая форму V. Изображение описанного сребренника см. на таблице II, фиг. 3.

В то время, когда я писал эти строки, Музей не имел в своем собрании серебра Ярославля. В поездку мою в Ленинград в марте 1931 г. для разбора привесных печатей собрания Н. П. Лихачева, перешедших в Музей Книги, Документа, Письма при Академии Наук СССР, я попросил директора МКДП о передаче Историческому Музею сребренника Ярослава и привески с родовым знаком, изданной в Альбоме Н. П. Лихачева на табл. LIII, 1 и в моей «Классификации» на табл. со знаками под № 5. Просьба директора была уважена Президиумом Академии Наук, и 23 июня 1931 г. оба памятника были привезены акад. А. С. Орловым в Исторический Музей. (Сребренник описан в книге поступлений под № 71774, привеска—под № 71775)¹.

Родовых знаков Ярославля серебра известно три разновидности, изображенных на нашей таблице I со знаками фиг. 2, 3 и 4, особенность которых следующая: знак фиг. 2 не имеет внутри точек, находится на вышеупомянутом фрагменте сребренника, принадлежащем Историческому Музею, найденном в Новгородe (см. Альбом к «Материалам», табл. LIII, 16). Второй вид, фиг. 3, имеет внутри 4 точки, его видим на Эрмитажном сребреннике, найденном на остр. Эзеле, на экземпляре Берлинского собрания и на всех медных отливках. Третий вид знака, фиг. 4, имеет 6 точек внутри, находится на сребренниках б. Строганова и Мусина-Пушкина. По разновидностям знаков, полагаю, можно судить о последовательности выпусков сребренников: наиболее ранний не имеет точек внутри знака, за ним следует с 4 точками и, наконец, с шестью.

Неправильность в греческой надписи и правильная русская указывают, что резчик был русский. Внешний вид сребренников Ярослава Мудрого свидетельствует о большом художественном вкусе мастера, создавшего такой простой, но изящный тип первой русской монеты.

Норманские подражания, как не принадлежащие к русской нумизматике, я не включаю в настоящее описание, но скажу несколько слов, с каких типов Ярославля серебра они копировались. Н. П. Лихачев в «Материалах», вып. II, стр. 182 сл., указал литературу о норманских подражаниях монете Ярослава, приложив рисунки. Подражаний известно два типа: на одном

¹ См. приложение II.—Ред.

копировщик руководствовался тем экземпляром, у которого родовой знак с 4 точками. Это подражание, несомненно, изготовлялось, как монета, предназначавшаяся для обращения в Скандинавии наравне с западно-европейскими монетами, поэтому и вес подражаний дан не русских сребреников, имеющих средний вес от 3,75 до 4 гр. или несколько более, а вес стокгольмских экземпляров подражаний 1,34 и 1,58 гр., приближающийся к весу англосаксонских монет. Факт применения веса подражаний к весу монет, курсировавших в Скандинавии, указывает, что подражания чеканились не в России. Другое подражание, изданное проф. Арне, скопировано со сребреника с родовым знаком без точек; оно, вероятно, предназначалось не для обращения в торговле, а как предмет украшения, на что указывает прилепленное ушко. Оба экземпляра серебра Ярославля, Берлинский и Мусина-Пушкина, также были обращены в украшение, о чем можем судить по сверлинам на них. Обращение монеты в украшение—обычай нередкий, для примера могу указать на ожерелье из 4 сребреников Владимира Мономаха и диргема Нуха II бен Мансура 371 г. гиджры (981 г. хр. эры), найденное в кургане в Быховском уезде, Могилевской губ. (см. Русские монеты до 1547 г., стр. 3); сребреники описаны ниже, среди монет княжества Черниговского, под №№ 10, 11 и 12.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО КИЕВСКОЕ

Великий князь Изяслав-Димитрий Ярославич (1054—1078)

и его сын Ярополк-Петр Вышгородский (1077—1078)

Одним из самых трудных мест в древней русской нумизматике является чтение надписей на сребрениках, отнесенных И. И. Толстым к Ярославу Мудрому II типа, ранее изданных Волошинским (ук. соч., стр. IX), который предположительно их приписал Юрию Долгорукому. Ту же трудность дешифровки надписей представляет сребреник, отнесенный Толстым к тому же в. к. Ярославу I типа. В надписях сребреников обоих типов Толстой упорно читает имя Георгия, данное Ярославу при крещении, но вырезанное, по его словам, монетчиком в искаженном виде. Близость обоих сребреников между собою по их внутреннему содержанию заставляет меня рассмотреть их вместе.

И. И. Толстой, описывая сребреник Ярослава II типа, говорит, что на лицевой стороне изображен великий князь впрямь, по сторонам его надписи «игир» и «Геюрги», в которых он видит искаженное христианское имя Георгий. На обороте, по сторонам родового знака, Толстой читает приблизительно то же имя, что на лицевой стороне. Чернев (Заметки, стр. 44—49) читает обе надписи лицевой стороны иначе: слева ИГИР справа ПЕТЪР. На обороте, по сторонам родового знака, он видит следующие буквы, поставленные вертикально: слева НИТР, справа NAPH. Чернев надписей не разбирает, но ссылается на мнение о них Н. И. Петрова, которое изложу ниже. Чернев не согласен признать на лицевой стороне изображение влкмч. Димитрия, которое видит Петров, но говорит, как Толстой, что это изображение князя с усами (св. Димитрий Солунский изображался без усов).

Подробнее объясняет надписи на сребрениках этого типа Н. И. Петров в статье «Монеты в. к. Киевского Изяслава Ярославича» (см. Труды IX Археологического съезда в Вильне, т. I, стр. 109—115). Для более ясного понимания дешифровки надписей Петровым прилагаю изображение сребреника (см. табл. II, фиг. 4) по рисунку при статье Толстого «Der Münzfund von Njeschin» в Zeitschr. für Num., B. X, и даю его описание, передавая надписи так, как их читает Н. И. Петров.

2. **Лиц. ст.** Изображение великого князя, повидимому, сидящего впрямь; на голове низкая шапка, вокруг головы нимб; у князя усы. Правую рукою держит четырехконечный крест из бус на длинном древке, левая рука не отчеканилась. Надпись справа от зрителя: + (крест из бус) ПЕТАР, слева—ITHP. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак, под ним справа значок в виде решетки из двух пар скрещенных параллельных линий. Надписи: справа ИДРН, слева—НИТР. Двойной бусовый ободок.

Вес 91 доля. Описан в монографии Толстого под № 103, рис. на табл. 9, фиг. 12. Надписи на сребренике, по типографским условиям, не могли быть точно воспроизведены, но каждая буква мною передана тою буквой, как ее читает Н. И. Петров.

Надпись по сторонам родового знака на обороте сребреника,—пишет, Н. И. Петров,—резчик скопировал с надписи какого-то византийского оригинала, подобного золотому медальону собр. Звенигородского с изображением влкмч. Димитрия Солунского (патрона Изяслава Ярославича), по сторонам которого находится надпись ΟΔΙΜΤΡΙΟΥ (см. снимок в Сборнике Леопардова и Чернева, вып. III и IV, табл. XI, фиг. 2). Полуграмотный мастер, по мнению Петрова, вырезал на матрице сребреника надписи не в обычном порядке, как пишутся легенды на монетах, а начал справа от зрителя (см. табл. II, фиг. 4), с двух верхних букв ДИ¹, затем перешел на левую от зрителя сторону, изобразив вместо М букву Н, которая на надписи византийского памятника действительно могла показаться резчику буквою Н; далее И, за нею Т низом вверх, Р также низом вверх, и оканчивается опять на правой стороне буквою Н и над нею буквою Р в обратную сторону, за которую резчик принял греческую С (сигму), оканчивающую надпись на византийском оригинале. Должен заметить, что имя Димитрий (по-гречески) на оригинале, с которого копировал резчик, было написано с греческими буквами Н, тогда как на медальоне Звенигородского в обоих случаях стоят I.

С большим трудом, но все-таки возможно было на обороте сребреника прочесть имя Димитрий.

На лицевой стороне сребреника, по сторонам изображения князя, Н. И. Петров читает ITHP, т. е. два последние слога имени Димитрий с перестановкой букв, и +ПЕΤΡ (Е и Р в обратную сторону), т. е. Петър (Петер).

Таким образом, на сребренике Ярослава II типа Петров прочитал на лицевой стороне имя Петр, на оборотной—Димитрий, в которых усмотрел христианские имена Изяслава Ярославича (Димитрий) и его сына Ярополка (Петр). О причине одновременного помещения на монете имен отца и сына Петров говорит, что только в обстоятельствах жизни Изяслава и Ярополка можно найти этому объяснение.

¹ Буква Д на монете передана как латинское D.

Перейду к другому сребреннику, определяемому Толстым, как сребренник Ярослава I типа. Описывая единственный тогда известный сребренник Ярослава I типа (позднее было найдено еще 2 экземпляра), Толстой видел.

3. На лицевой стороне изображение безусого человека впрямь, с наклоненным крестом на древке в правой руке, а левая у груди. Слева от зрителя автор читает «Гегіос», т. е. измененное «Георгіос», принимая стоящую рядом, обращенную в противоположную сторону букву Р—за ручку кресла. Таковую же надпись автор читает справа снизу вверх. На обороте, около родового знака, Толстой читает «Георгіос».

Прочтенное и трижды повторенное имя Георгия заставило автора приписать сребренник Ярославу-Георгию Владимировичу:

Чернев (Заметки, стр. 41) иначе взглянул на надпись, прочтя на лицевой стороне ПЕТРОС вместо «гегіос» (см. табл. III, фиг. 1); остатки надписи с правой стороны он пытался восстановить, как опять повторенное имя Петрос, но позднее, в другой статье «О нежинских сребрениках с именем Петр», изменил первоначальное чтение надписи; рассмотрев ее по оригиналу, он убедился, что остатки надписи содержат слово ТОЛОС, которое предположительно он восстанавливает АПОСТОЛОС, дополнением к чему является ясно читаемое имя «Петрос». Это восстановление неверно, как увидим далее. Надписей оборотной стороны Чернев разобрать не мог.

В изображении лицевой стороны этого сребреника И. И. Толстой видит юношеское лицо, Чернев же считает его изображением апостола Петра, что подтверждается другим экземпляром такого сребреника, но худшей сохранности, поступившим в 1929 г. в Госуд. Эрмитаж; на нем видна округлая борода апостола. Прилагаю рисунок со слепка сребреника (табл. III, фиг. 2) и его описание:

4. **Лиц. ст.** Изображение впрямь ап. Петра, повидимому, сидящего, с округлою бородою; вокруг головы нимб. Правой рукой держит крест на длинном древке, прижатый к плечу; концы креста раздвоены. Левая рука у груди. Надписи не отчеканились.

Об. ст. Родовой знак, не вполне оттиснувшийся. Надписи не отчеканились. Вес 1,88 гр. Из собрания Гос. Эрмитажа.

Интерес представляет голова, на ней ясно различается лицо с окладистой бородой, но не безусое, как описывает И. И. Толстой в монографии под № 102. Изображение родового знака см. на таблице I со знаками фиг. 15. В «Классификации» этот знак не был изображен.

Отзыв Н. П. Лихачева о сребрениках обоих типов по классификации Толстого таков: разбирая надписи на сребреннике I типа (см. Материалы, вып. 2, стр. 189 сл.), Н. П. соглашается с чтением Чернева имени Петрос, но разбор надписей на сребреннике II типа считает проблематичным и чтение имени Димитрий сомнительным. Отказываясь разобраться «в этом темном вопро-

се», он признает несомненным изображение ап. Петра, считаемое Толстым за изображение Ярослава Мудрого, хотя Толстой в монографии, стр. 56, называет изображение не Ярославом, а св. Георгием, а в «Древнейших русских монетах» обходит молчанием вопрос об изображении на сребренике, а называет его просто человеческой фигурой. Изображение назвать князем нельзя потому, что голова не имеет покрытия, которое имеют все изображения князей на древних русских монетах. Мнение Н. П. Лихачева о всех трех типах сребреников Ярослава по классификации Толстого выразилось в следующих словах (у. с., стр. 191): «Если третий тип (Ярославле сребро) принадлежит Ярославу, то первый и второй ему не принадлежат».

В конце 1931 г. собрание монет Исторического Музея пополнилось экземпляром сребреника коллекции А. М. Черносвицова, подаренной владельцем Ростовскому Музею, который передал ее Историческому Музею. Сребреник имеет тип, изображенный на прилагаемых рисунках (см. табл. III, фиг. 1—2). К сожалению, несовершенство чеканки не позволяет видеть всех подробностей, тем не менее некоторые части надписей, которых нет на прежних двух сребрениках, дополняют их:

5. Лиц. ст. Изображение ап. Петра, как на вышеописанных экземплярах. Справа от зрителя надпись, идущая снизу вверх: ПЕТОС; последняя буква еле заметна. Следы ободка из бус.

Об. ст. Родовой знак, правая сторона которого не отчеканилась; слева от зрителя видна плохо вырезанная надпись: П
ЭР
О
ка из бус. (=ПЕТРО), последняя буква С не отчеканилась. Следы ободка из бус.

Вес 2,75 гр. Исторический Музей, № 72762. См табл. III, фиг. 3.

Дополнения, которые дает сребреник, следующие: на лиц. стороне, справа от апостола, видим надпись ПЕТОС, от которой на экземпляре Толстого (см. табл. III, фиг. 1) сохранились только две последние буквы. Чернь (см. выше) восстанавливает всю надпись, как АПОСТОЛОС, что, как теперь видим, не может быть приемлемо. На оборотной стороне, слева от родового знака, читается в лупу плохо вырезанная на матрице надпись ПЕТРО, у которой буква Р стоит не в строке, а рядом, как на экземпляре Толстого, принимавшего ее за ручку кресла, которой здесь не может быть, так как надпись находится на обороте, около родового знака, и повторяет содержание и порядок букв надписи лицевой стороны экземпляра Толстого.

Таким образом, эпиграфический материал, который дают издаваемые экземпляры трех сребреников, выражается: 1) в имени Петрос на лицевой стороне экземпляра Толстого и повторенном на оборотной стороне экземпляра Исторического Музея; 2) в надписи Петос, без сомнения искаженное имя Петрос, на лицевой

стороне сребреника Исторического Музея; на экземпляре Толстого сохранились две буквы ОС, вероятно, от подобной же надписи; 3) в оставшейся не прочитанною надписи справа от родового знака на оборотной стороне сребреника Толстого. находка лучшего экземпляра сребреника даст возможность правильно прочесть все отдельные слова сребреников.

В заключение скажу, что издаваемые три сребреника Ярополка Изяславича чеканены разными матрицами, что заметно по складкам одежды апостола и по контурным линиям родовых знаков.

Дешифровка Н. И. Петровым надписей на сребрениках Ярослава, I и II типов по классификации Толстого, сначала казалась мне смелой. Кроме прочтенного Черневым имени «Петрос», видеть на сребрениках обоих типов имена Димитрий и Петр, последнее в форме «Петер», изображенные не кириллицей, а буквами смешанного характера, совсем на кириллицу не похожими, казалось мне недопустимым. Но исторические соображения, которые получаются из содержания письма знаменитого папы Григория VII Гильдебранда к в. к. Изяславу, а также из Трирской псалтири Гертруды (псалтирь не была известна Петрову), подкрепляют предположения Н. И. Петрова и позволяют принять сделанную им дешифровку надписей на обоих сребрениках и считать чтение имен вполне допустимым. Конечно, нельзя удовлетвориться отсутствием палеографического разбора надписей на сребрениках, он непременно должен быть произведен специалистом палеографом.

Чтение имени «Петрос» на сребренике, написанного греческими буквами, вероятно, возбудит протест со стороны палеографов. Н. П. Лихачев (Материалы, вып. II, стр. 189) останавливается на первой букве имени, на П, и приводит об ней слова И. И. Толстого из его монографии. «Форма буквы на монете, пишет Н. П., несомненно, имеет особенности, отмеченные И. И. Толстым, но столь же, пожалуй, несомненно и то, что изображен не юный безусый воин Георгий, а с наибольшим вероятием... апостол Петр». Таким образом, Н. П. вопроса не решает. Буква П, похожая на букву Г, и буква Т с опущенными вниз боковыми крыльями—начертание, не допускаемое палеографами для XI в.—должны возбудить сомнение в правильности их чтения Черневым и Петровым, но изображение апостола Петра, характеризуемое самим типом апостола, заставляет меня допустить правильность чтения имени «Петрос», вырезанного мастером, незнакомым с формами греческого алфавита.

Разыскания о монетах преемников Ярослава Мудрого, произведенные после исследований И. И. Толстого киевскими учеными, заставили пристальнее заняться некоторыми фактами из жизни первого преемника киевского стола после Ярослава—вел. князя Изяслава Димитрия и его сына Ярополка Петра, имя которого редко упоминалось историками.

Приступая к исследованию вопроса о монетах, наибольшее внимание необходимо обратить на выяснение причин одновременного появления на сребрениках имен Димитрия (Изяслава) и Петра (Ярополка); эти причины, как мне кажется, кроются в соучастии Ярополка в дипломатических переговорах его отца с германским императором Генрихом IV и папою Григорием VII о возврате киевского стола, отнятого у Изяслава его братом Святославом Черниговским. Кроме того, несколько новых черт для освещения этого эпизода можно извлечь из исследования немецких ученых Зауерланда и Газелофа о латинской псалтири архиепископа Эгберта конца X в.; к псалтири приложены молитвы от имени Гертруды с 5 миниатюрами, исполненными в XI в. в византийской манере, по мнению Н. П. Кондакова, не греком, а славянином или немцем, в пределах Польши или Галича¹.

Первые годы княжения Изяслава были сравнительно спокойны; злоключения его начинаются с того времени, когда киевляне его выгнали, поводом к чему было нашествие половцев. Перед нашествием у Изяслава было столкновение с Всеславом Полоцким, который был пленен и посажен в темницу в Киеве. При нашествии половцев киевляне, недовольные бездействием Изяслава, освободили Всеслава, а Изяслав бежал в Польшу к Болеславу и при помощи его вернул Киев, которым, впрочем, владел недолго. Из-за несогласия с братьями, Всеволодом и Святославом, он вторично бежал, а на Киевский стол сел его брат Святослав. Чтобы вернуть себе княжение, Изяслав обратился за помощью к германскому императору Генриху IV, отправившись к нему в Майнц, но император, вместо реальной помощи, отправил в Киев к Святославу посольство. Неудача с Генрихом IV заставила Изяслава обратиться к главе католического мира, к папе Григорию VII. К папе в Рим Изяслав послал сына Ярополка. Результатом свидания было письмо папы, помеченное 15 мая 1075 г., к Изяславу и его супруге, имя которой не названо, но из трирской псалтири теперь мы узнали, что имя ее было Гертруда. В письме Григорий VII не пишет самого существенного для Изяслава, какую помощь он может ему оказать, но ответ доверяет передать устно послу, который Изяславу известен и «друг верный». Относительно Ярополка пишет, что по его просьбе («смиренно молил нас», как сказано в письме) утверж-

¹ Издание этого рукописного памятника появилось в 1901 г. в Трире под заглавием *Festschrift d. Gesellschaft f. n. Forschungen zu Trier* H. V. Sauerland und A. Haseloff. *Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier—Codex Gertrudianus in Cividale* Mit 62 Tafeln. Рецензия А. А. Бобринского «Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтире Эгберта, архиеп. Трирского» была напечатана в «Зап. И. Р. А. О.», т. XII, вып. 1 и 2, 1901 г. Литература о трирской псалтири приведена В. С. Иконниковым во II т. «Опыты русской историографии», стр. 575—576. В 1906 г. Ак. Наук издала исследование Н. П. Кондакова, посвященное миниатюрам XI в. псалтири: «Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в.». К обоим русским изданиям приложены снимки со всех 5 миниатюр XI века.

дает его на княжение и дает согласие принять присягу быть верным главе апостолов, т. е. ап. Петру. Исполнив волю сына, согласную с волей родителей, папа поручает ему кормило русского государства. (Содержанием письма я пользовался по тексту у Карамзина И. Г. Р., кн. 1, т. II, стр. 48, изд. Эйнерлинга).

Из письма Григория VII можно заключить, что Изяслав письменно или устно через сына выражал желание сделать Ярополка соучастником в управлении государством и тем обеспечить ему Киевский стол после своей смерти. Иллюстрацией к письму папы может служить миниатюра псалтири с изображением Вседержителя, венчающего Ярополка и его жену Ирину на великое княжение, как пишет Н. П. Кондаков (у. с., стр. 95), объясняя такое толкование мантией на Ярополке, которая теоретически его изображает великим князем. На другой же миниатюре, где Ярополк стоит перед ап. Петром без мантии, он изображен только как князь. Из надписи на миниатюре мы узнаем, что имя жены Ярополка было Ирина, которая, судя по миниатюре, изображающей венчание Спасителем ее и Ярополка, вероятно, сопровождала мужа в его путешествии в Рим.

Ряд молитв Гертруды в приложении к трирской псалтири, обращенных к ап. Петру, св. деве, арх. Михаилу, в которых она молится за ее единственного сына Петра, на которого призывает милосердие божие, за войско сына, за папу, князя, императора, епископов, аббатов и т. д., рисуют нам Гертруду, как ревностную католичку и женщину, не только, как мать, горячо любящую сына, но также не чуждую политики, что можно подразумевать из ее молитвы за войско сына. Происхождение ее, судя по нижеследующим строкам Патерика Киевского Печерского монастыря (изд. Имп. Археогр. Ком., С. П. Б., 1911 г., стр. 206), было такое: «Егда изгнанъ бысть святой Антоний княземъ Изяславомъ, Варлама ради и Ефрема, княгини же его, Ляховица сущи, възбрани ему и т. д.»; мы видим, что жена Изяслава была ляхского происхождения, что подкрепляется следующим текстом Четых Миней митр. Макария, заимствованным, может быть, из утраченного жития преп. Антония Печерского: «Бысть же сѣя княгиня Ляховица, дочь Болеслава Храбраго». Известны монеты Болеслава с его именем, изображенным кириллицей; в монографии Толстого, на табл. XIII, фиг. 7 и 8, изображены 2 монеты, описанные на стр. 213, № 1.

В Месяцеслове всех святых русских Димитрия, епископа Подольского и Брацлавского (Каменец-Подолск, 1893 г.), напечатаны жития: в. к. Изяслава Ярославича, под 3 Октября, и его сына Ярополка, под 21 ноября, «Святой благоверный князь Ярополкъ Изяславичъ», в житии которого автором приведена значительная литература о нем и его отце Изяславе Ярославиче.

Возможно, что поездка в Рим Ярополка была устроена по инициативе Гертруды. Что она принимала участие в политике,

можем судить по письму Григория VII, адресованному великому князю с супругою. Сношения с Римом, хотя и не принесшие пользы великому князю, все же должны были оставить на Руси следы, но отсутствие материала по этому вопросу не позволяет делать даже предположений. Может быть, одно место в письме Григория VII, где папа снисходит на просьбу Ярополка и утверждает данную им присягу на верность ап. Петру, может указывать на построение Ярополком церкви в честь ап. Петра при основном его отцом Дмитриевском монастыре в Киеве. Обычно на Руси храмы строились во имя ап. Петра и Павла и редко в честь одного из них, но в Риме храмы посвящались отдельно каждому из апостолов. Возможно, что в построении церкви одному ап. Петру и сказалось влияние Рима. В ней Ярополк и был похоронен.

Изображение на сребренике ап. Петра, патрона Ярополка, нельзя, конечно, относить к влиянию Рима. Аналогичные изображения патронов князей видим на сребрениках Ярослава—вкмлч. Георгия и на монетах Олега Тмутороканского—арх. Михаила.

Существующее в литературе мнение, что Изяслав принял католичество, ничем не подтверждается. Этому вопросу проф. И. А. Линниченко посвятил статью «Ново-открытое свидетельство о времени в. к. Изяслава Ярославича» (Арх. Изв. и Зам., 1894 г., № 4), в которой доказывает, что Изяслав католичества не принимал.

Приведенных фактов достаточно, чтобы понять, зачем Изяслав поместил на сребренике одновременно свое христианское имя Дмитрий и христианское имя сына—Петр. Из сказанного можно предположить, что Изяслав в преемники Киевского стола прочил сына Ярополка, которого он через 2 года после его возвращения из Рима, в 1077 г., посадил по близости Киева в Вышгороде (см. П. С. Р. Л., II, 275), но смерть Изяслава, убитого в сражении при Нежатиной Ниве в 1078 г., изменила его планы: Киевский стол перешел к Всеволоду, а Ярополку отдал Владимир Волынский и Туров. Изяслав за год с небольшим до своей смерти получил в 3-й раз Киев, после смерти Святослава Черниговского, владевшего Киевом.

Сребреники Изяслава и Ярополка существенно отличаются от сребреников других князей: на них мы не видим надписей, как на монете Ярослава, говорящей, что это «сребро Ярославле», или как на всех прочих, что князь сидит на столе, т. е. княжит, а серебро принадлежит ему. На сребрениках Изяслава и Ярополка видим лишь их христианские имена и более ничего, только родовые знаки указывают, кому принадлежат сребреники. Отчеканенные Изяславом сребреники, с присоединением в надписи к его имени имени его сына Ярополка, как будто говорят, что они служат не только знаками обмена, но и заявляют, что будущим преемником Киевского стола будет Ярополк. Палеография надписей группы сребреников, описанных в монографии Толстого с № 102

по № 107 включительно, резко отличается от всех остальных древнейших русских монет, научную оценку палеографии которых может дать специалист. Позволю себе сделать несколько замечаний, как практик-любитель, о форме букв на сребренике табл. II, фиг. 4 (в монографии Толстого, т. IX, фиг. 12). Общий характер шрифта приближается к латинскому, особенно буква D на обороте сребреника, изображенная в обратную сторону. Характер букв допускает видеть в мастере, резавшем матрицу, западного славянина или вообще западного художника. Тот же латинский характер имеют надписи на остальных сребрениках (см. на нашей табл. III, фиг. 4 и 6). Другой характер носит надпись ПЕТРОС (см. табл. III, фиг. 1), в которой видно стремление резчика придать буквам византийскую форму. Все это указывает, что мастер сребреника табл. II, фиг. 4 не был знаком ни с византийским шрифтом, ни с кириллицей.

Типологическая связь между многими печатями, особенно с родовыми знаками, и монетами заставляет меня привлекать к древнейшим русским монетам также те печати, которые внешним образом могут быть поставлены в связь с монетами. Н. П. Лихачев в «Материалах» отмечает несколько привесных печатей, определяемых им принадлежащими Изяславу и Ярополку. К вел. князю Изяславу Димитрию Ник. Петр. определенно относит (Материалы, вып. I, стр. 166) большую привесную печать с поясным изображением влкмч. Димитрия на лицевой стороне и с розеткой на оборотной. Печатей этого типа известно две: одна найдена в Киеве, другая в Турове; обе превосходной работы, исполненной по греческому образцу. Печатей с изображением ап. Петра, имя которого носил Ярополк, Н. П. описывает две: 1) печать средней величины, найденную в Старой Ладогe, с изображением на лицевой стороне апостола в рост, держащего ключи и с надписью на обороте «Господи, помози рабу своему Петру» (ib., стр. 110); 2) моливдовул греческой работы с поясным изображением богоматери типа Оранты на одной стороне и с поясным изображением ап. Петра с другой; печать найдена в Киеве (ib., стр. 160). Последнюю печать автор относит, судя по работе, к XI в. и говорит, что она едва ли не принадлежит князю Ярополку Петру. О печати, найденной в Старой Ладогe, Н. П. определенно не говорит, но если она принадлежит Ярополку Петру, то интересна по русской надписи.

Монет в. к. Изяслава в собрании Исторического Музея не имеется. Прилагаю снимок с гальванопластической копии с монеты Изяслава из собрания Эрмитажа.

6. **Лиц. ст.** Изображение великого князя (отчеканилась правая сторона), подобное тому, как на рисунке, изображенном выше (см. табл. II, фиг. 4); левая рука прижата к груди. Надпись читается справа от зрителя: + (крест из бус) ПЕТАР; левая не отчеканилась. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Надпись читается слева от зрителя: NHTR... далее видны следы букв, которых разобрать нельзя. Надпись справа не оттиснулась. Двойной бусовый ободок.

Вес 68 долей. На других изданных экземплярах этого типа продолжения надписи слева на обороте не заметно. В монографии И. И. Толстого описан под № 104, табл. 3 и 4, фиг. 18. См. нашу табл. III, фиг. 4. Родовой знак см. на таблице I со знаками, фиг. 14.

Чтение надписей на сребренике сравни с дешифровкой Н. И. Петрова, приведенной выше при описании табл. II, фиг. 4.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО КИЕВСКОЕ

В. к. Святополк Михаил Изяславич (1093—1112)

После Изяслава киевский стол занял его брат Всеволод Андрей (1078—1093); монеты его неизвестны. После смерти Всеволода киевское княжение перешло к его племяннику Святополку Михаилу, сыну Изяслава. Монеты Святополка Михаила впервые описаны и определены Волошинским, но И. И. Толстой в монографии относит их Святополку Окаянному, приемному сыну св. Владимира. Свое определение Толстой основывает на перечеканке одного сребреника Святополка на сребренике Владимира II типа его классификации (св. Владимиру Толстой относит все сребреники с именем Владимира). Чернев (Заметки, стр. 30), разбирая надписи на сребрениках, не согласился с дешифровкой Толстым имени Святополк и пробовал дать иное чтение имени, как, например, Святослав, но решил оставить его пока в числе неразобранных. Если чтение имен на сребрениках Изяслава и Ярополка требовало большого труда, то дешифровка надписей на сребрениках Святополка не представляет таких трудностей; хотя в них видна малограмотность резчика матрицы, но все же можно усмотреть стремление изобразить имя Святополка, которое, на мой взгляд, читается без большого труда, чем имя Владимир на многих монетах Мономаха.

Сребреники Святополка Михаила имеют один тип, описание которого приведу ниже. Здесь я должен остановиться на одном сребренике Святополка, описанном Толстым в монографии под № 101; родовой знак его изображен на нашей таблице I со знаками фиг. 13, но он не походит на знак Святополка Михаила, изображенный на той же таблице фиг. 14, а тождественен со знаками на сребрениках, относимых мною к Владимиру Мономаху (см. фиг. 6—12); с вариантом завитка в нижней его части. Это несоответствие было замечено самим автором монографии, объяснившим его неисккусным мастерством чеканщика, по ошибке впавшего в анахронизм и придавшего родовому знаку форму, не соответствующую его эпохе. Но я иначе объясняю появление монеты со смешанными сторонами. При рассмотрении сребреника № 101 монографии Толстого, факт несоответствия мне рисовался так: лицевая сторона имеет изображение Святополка, оборотная—родовой знак Владимира; такое сочетание сто-

рон от монет двоих князей на монете, принадлежащей одному князю, могло произойти только в том случае, если у князей был общий монетный двор и правление одного князя следовало за правлением другого; при чеканке сребреника нового князя, в данном случае Владимира Мономаха, чеканщик ошибкою взял матрицу лицевой стороны предшествовавшего князя Святополка, а для оборотной взял матрицу с родовым знаком нового князя, Владимира Мономаха. Но такому, казалось бы, логическому объяснению типа противоречит следующее соображение: И. И. Толстым (стр. 190) усмотрен один сребреник Святополка, перечеканенный из сребреника Владимира; применяя перечеканку к моему определению обоих князей, получается, что Владимир Мономах княжил в Киеве ранее Святополка Михаила, что допустить решительно невозможно, но припоминая, что Владимир Мономах княжил в Чернигове почти в те же года, когда в Киеве княжил его отец, а в Переяславле в те года, когда на киевском столе сидел Святополк Михаил, возможно допустить, что для чеканки монет своих княжеств Владимир пользовался монетным двором своего союзника в Киеве, где и произошло смещение матриц.

Тип монет Святополка однообразен, и монета отличается одна от другой только качеством работы, но И. И. Толстой (стр. 52 монографии) заметил одну особенность: сходство лицевой стороны некоторых сребреников Святополка со сребрениками Владимира IV типа (седалище без спинки). Сравнивая изображения на монетах обоих князей, нельзя не признать, что сходство настолько близко, что возможно допустить работу некоторых матриц сребреников Святополка и Владимира, исполненную одним мастером. Это наблюдение о сходстве определяет время чеканки сребреников Владимиром Мономахом: между 1094 и 1113 гг., когда Владимир княжил в Переяславле, затем в Киеве; и в то же время этот факт подтверждает, что Владимир Мономах пользовался киевским монетным двором для чеканки своих переяславских сребреников.

Собрание Исторического Музея имеет два сребреника Святополка Михаила:

7. Лиц. ст. Изображение великого князя (видна голова с нимбом, низ не отчеканился), сидящего впрямь, на голове шапка с препендулиями; правою рукою держит крест на древке. От надписи сохранились справа буквы НИС. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак, нижняя часть не оттиснулась. От надписи сохранились слева ГО, справа СЕР. Двойной бусовый ободок.

Вес 2,675 гр. Подобный сребреник издан в монографии И. И. Толстого, табл. 3 и 4, рис. 7, но другой матрицы. Собр. Ист. Музея № 67580. См. табл. III, фиг. 5.

8. Лиц. ст. То же изображение, верхняя часть не оттиснулась; сидалище, под ним ряд арок. От надписи видно справа: ГСТОЛ+. Бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак, верх не оттиснулся. Слева видна часть надписи: СЕГΘ; внизу, по сторонам знака: + и Θ.

Вес 2,4 гр. Сребреники этой матрицы, повидимому, не описаны, но тип обычный. О букве А в форме Г в надписи лицевой стороны см. в монографии Толстого № 91. Собр. Ист. Музея № 58684. См. табл. III, фиг. 6. Изображение родового знака на таблице I со знаками фиг. 16.

Из памятников времени Святополка Михаила можно указать на серебряный перстень Историч. Музея с родовым знаком; щиток перстня со знаком издан в «Классификации», на табл. под № 20, а перстень в Археол. Изв. и Зам. 1894 г. на стр. 310. Схема родового знака Святополка очень близка, если не одна и та же, со схемой знака на перстне.

Повторю сказанное мною в «Классификации», стр. 100: не является ли перстень одним из тех хирографов, которые получали послы или гости для удостоверения их личности пред государем, к которому они были посланы (см. выше письмо Куника к И. И. Толстому).

ВЛАДИМИР ВАСИЛИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ МОНОМАХ

1078—1094 г. князь **Черниговский**

1094—1113 г. » **Переяславский**

1113—1125 г. великий князь **Киевский**

Все златники и сребреники с именем Владимира я отношу к Владимиру Мономаху (см. «Классификация», стр. 96), вопреки общепринятому мнению, что почти все монеты с именем Владимира, по крайней мере златники и сребреники с изображением Христа, принадлежат св. Владимиру (см. А. А. Ильин, Топография кладов древних русских монет X—XI вв., стр. 2). Мое определение я строю на родовых знаках, которые все одной схемы, хотя некоторые имеют разновидность в их нижней части, но она не изменяет основной схемы знака-трезубца, как на златниках и сребрениках с изображением Христа, так и на прочих монетах с именем Владимира. Родовой знак, предшествующий родовому знаку на сребренике Ярослава, должен быть проще, и я предположительно указываю на знак неопределенной печати, изданной Н. П. Лихачевым в Альбоме к «Материалам», табл. L'IV, 14; см. самый знак на нашей таблице I со знаками фи г. 1; который имеет форму двузубца. Здесь повторю высказанную мною выше мысль, что только Ярослав, стремившийся установить в государстве порядок, основанный на родовом начале, мог первый из князей чеканить монеты с родовым знаком, но не святой Владимир. Кроме того, общий характер деятельности Владимира Мономаха, как государственного человека, сумевшего поднять киевское княжество на высшую точку процветания, какую оно когда-либо достигало, поддерживает мою уверенность, что монеты чеканены им, но не св. Владимиром. С представителями западноевропейских государств Мономах поддерживал постоянные сношения, благодаря бракам его детей и внуков с иностранными государями; на эти сношения я обращаю внимание: они могли иметь влияние на чеканку собственной монеты, которая на Западе уже была введена.

Владимир Мономах княжил в продолжение своей жизни 47 лет, занимая при жизни отца с 1078 по 1094 г. Черниговский стол, который в 1094 г. передал Олегу Святославичу Тмутороканскому, а сам удалился в Переяславль, утвержденный на Любечском съезде князей в 1097 г. за Мономахом, как отчина

отца; до 1113 г. он может именоваться Переяславским князем. После смерти в этом году Святополка Михаила киевляне пригласили Мономаха на великое княжение, где он княжил до своей смерти в 1125 г. Продолжительностью его княжения я объясняю значительность выпусков его монет и разнообразие их типов, чеканенных, кроме Чернигова и Киева, также и в Переяславле.

Факт перечеканки монеты Святополка из монеты Владимира (II типа классификации Толстого), затем ошибочное помещение родового знака Владимира на монете Святополка (см. выше) показывают, что Владимир Мономах пользовался монетным двором стольного города Киева для чеканки своих монет, будучи князем Черниговским и Переяславским.

Монеты Владимира Мономаха представляют большое разнообразие как в палеографическом, так и в типологическом отношении. Палеографии надписей может оказать помощь только специалист, себе я позволю заметить, что часть букв приближается по форме к кириллице, какую видим на сребренике Ярослава Мудрого, прочие же представляют неустановившиеся типы букв русского алфавита. Еще труднее будет разобраться в палеографии надписей сребреников остальных князей.

Типологически все монеты Владимира Мономаха можно разделить на три группы: 1) на сребреники с изображением Христа на оборотной стороне (черниговские); 2) на сребреники, на которых довольно грубо изображен князь, повидимому, в плаще или в кольчуге (переяславские) и, наконец, 3) на сребреники более художественного исполнения с изображением великого князя, сидящего в орнаменте на престоле с высокою спинкою или на престоле без спинки; последние более тонкой работы (киевские).

Монеты Владимира Мономаха, чеканенные для княжества Черниговского (1078—1094)

Нижеописанные монеты Владимира Мономаха собрания Исторического Музея с изображением Христа на обороте исполнены как в техническом, так и в художественном отношении, особенно в последнем, очень неудовлетворительно. И. И. Толстой, описывая лицевую сторону златника, говорит: «Изображение великого князя впрямь во весь рост, повидимому, в сидячем положении, судя по согнутым, ясно обозначенным ногам». С чертами лиц обоих изображений и с бородою Христа резчик совсем не мог справиться, изобразив контуры частей лица прямыми линиями, а волосы бороды крупными точками. Особенность изображения князя: отсутствие нимба вокруг головы.

Многие буквы надписей изображены или в обратную сторону или низом вверх, что невозможно было при описании оговорить; интересующиеся могут справиться на изображениях в указанных

изданиях. Невозможно было также передать буквы так, как они изображены на оригиналах; напр., первые буквы в имени «Исусъ», состоящие из трех вертикально стоящих палочек, я передаю, как ИН; также последнюю букву в слове «стол», похожую на греческое ν , я передаю, как ϵ и т. д. Вообще палеография надписей должна быть разобрана специалистом, но все же надписи сделаны довольно понятно и не встречают тех затруднений, какие встретим в следующей группе.

Тип монет Владимира Мономаха с изображением Христа, судя по перечекам, как это мы выше видели,—самый ранний; считаю, что он был отчеканен, когда Мономах княжил в Чернигове в 1078—1094 гг. Этот тип монет буду называть первой группой.

Златник

9. Лиц. ст. Изображение князя впрямь, повидимому, сидящего; на голове шапка из бус, увенчанная крестом, с перпендикулярами по сторонам; правую рукою держит крест на длинном древке. Над левым плечом—родовой знак. Надпись слева направо: ВЛАМНРЪ НАСТОЛ (последняя буква напоминает треугольник). Бусовый ободок.

Об. ст. Погрудное изображение Христа с евангелием, в крестчатом венце, впрямь. Надпись буквами в обратную сторону: ИНСУСЪ ХР...НСЪ. Бусовый ободок.

Вес 4,155 гр. Такой же златник издан Толстым в «Древнейших русских монетах X—XI вв.», табл. XII, фиг. 1 и 2. В Истор. Музей передан из СФА (Советская филателистическая ассоциация). Ист. Муз. № 68470. См. на нашей табл. III, фиг. 9.

Сребреники

11. Лиц. ст. Изображение князя, подобное предыдущему. нем плащ, застегнутый запоною в форме бусы, правую рукою держит крест на древке. Над левым плечом родовой знак. Надпись: ВЛАДНМН... СТОЛ (последняя буква напоминает греческое ν). Линейный и бусовый ободки.

Об. ст. Полустершееся изображение Христа, как на предыдущей монете. От надписи заметны слева неясные буквы и С, справа: РНСТ (от слова Христос). Линейный и бусовый ободки.

Вес 76 дол. Описан в «Русских монетах до 1547 г.» под № 1, табл. I, фиг. 1, также в Монографии Толстого под № 9, табл. 10, фиг. 5. Монета пробита гвоздиком для прикрепления ушка. Ист. Муз. № 77012. См. табл. IV, фиг. 1.

11. Лиц. ст. Изображение князя, подобное предыдущему. Надпись: ВЛАДИМНРЪ НАСТ. Л. Линейный и бусовый ободки.

Об. ст. Изображение Христа, подобное предыдущему. От надписи сохранились следующие буквы: + ИНС...Ъ Х. НСТ. Линейный и бусовый ободки.

К сребренику приклепано железное ушко. Вес с ушком 80¹/₂ дол. Описан там же под № 2, табл. I, фиг. 2. В монографии Толстого под № 8, табл. 10, фиг. 4. Ср. у Толстого «Др. русск. монеты X—XI вв.», табл. XII, фиг. 7 и 8. Ист. Муз. № 77012. См. табл. IV, фиг. 2.

12. **Лиц. ст.** Изображение князя, подобное предыдущим. Надпись плохо сохранилась: ВЛАД АСЕЕГ БРО.

Об. ст. Изображение Христа, подобное предыдущему. От надписи видно окончание ОСЪ.

Вес 48 дол. Монета сломана. Описан там же под № 3, табл. I, фиг. 3. В монографии Толстого издан под № 7, табл. 10, фиг. 6. Ист. Муз. № 77012. См. табл. IV, фиг. 3. Три описанных сребреника—из основной коллекции Ист. Музея, найдены в кургане на ожерелье костяка, в Старо-Быховском уезде, Могилевской губ., в имении Вотня, в 6 в. от ст. Обидовичи, близ Днепра. На ожерелье находился 4-й сребреник такого же типа и диргем Нуха II бен Мансура.

13. **Лиц. ст.** Изображение князя, подобное предыдущим. Надпись: ВЛАДИМІР, далее неясно. Линейный и бусовый ободки.

Об. ст. Изображение Христа, подобное предыдущим. Надпись ИНСУЪ, остальные буквы надписи имеют неопределенные очертания. Линейный и бусовый ободки.

Вес 2,72 гр. Издан в «Материалах по русской нумизматике» П. В. Зубова (М. 1897 г.) под № 1. Черты лица князя и Христа сделаны схематически. Ист. Музей № 67580. См. табл. IV, фиг. 4.

14. **Лиц. ст.** Изображение князя, подобное предыдущим. Надпись читается справа налево: ВЛАДИМН РНАСТОЛ (последняя буква неопределенная). Линейный и бусовый ободки.

Об. ст. Изображение Христа, подобное предыдущим. Надпись справа налево: НСУСЪ ХРИТОСЪ. Линейный и бусовый ободки.

Вес 3,16 гр. Подобен сребреник издан в монографии Толстого, стр. 127, № 6а, табл. 14, фиг. 2. Ист. Муз. № 67580. См. табл. IV, фиг. 5.

15. Сребреник одной матрицы с предыдущим.

Вес 2,78 гр. Издан там же, что и предыдущий. Ист. Музей № 67580. См. табл. IV, фиг. 6.

16. Сребреник одной матрицы с предыдущим.

Вес 2,6 гр. См. Сборник Леопардова и Чернева, вып. 3 и 4, табл. 7, фиг. 15. Ист. Муз. № 67580. См. табл. IV, фиг. 7.

17. **Лиц. ст.** Изображение князя, подобное предыдущим (голова стерлась). Надпись слева направо: ВЛАДНМІР (далее неясно). Линейный и бусовый ободки.

Об. ст. Изображение Христа, подобное предыдущим. Надпись: + ИНСУЪ ХР (далее неясно). Линейный и бусовый ободки.

Вес 2,8 гр. См. монографию Толстого, стр. 228, № 5а. Ист. Муз. № 67580. См. табл. IV, фиг. 8.

18. **Лиц. ст.** Изображение князя, подобное предыдущим. Надпись справа налево: ВЛАДНМН АСЕЕГО. Линейный и бусовый ободки.

Об. ст. Изображение Христа, подобное предыдущим, по сторонам буквы НС ХРС. Линейный и бусовый ободки.

Вес 2,85 гр. См. Сборник Леопардова и Чернева, вып. 3 и 4, стр. 12, табл. 6, фиг. 11. Ист. Муз. № 67580. См. табл. IV, фиг. 9.

19. **Лиц. ст.** Изображение князя, подобное предыдущим. Надпись: ВЛАДНМНР ЪНАСТОЛ (последняя буква напоминает слав. у). Линейный и бусовый ободки.

Об. ст. Изображение Христа, подобное предыдущим. Надпись: НСУСЪ ХРНСТОСЪ. Линейный и бусовый ободки.

Вес. 2,22 гр. См. Сборник Леопардова и Чернева, вып. 3 и 4, стр. 9, с, табл. 6, фиг. 4. Ист. Муз. № 67580. См. табл. IV, фиг. 10.

Монеты Владимира Мономаха, чеканенные для княжества Переяславского (1094—1113)

Характер изображений в второй группе сребреников, где видим фигуру князя иною, нежели на предыдущей группе, отличается крайнею грубостью рисунка. Мастер дает нам, повидимому, изображение князя-воина, но не князя-правителя, каким его увидим в третьей группе. Князь изображен на одних сребрениках в одежде, напоминающей плащ с поясом, или, на других, в подобном же плаще, но покрытом колечками, которые заставляют меня предполагать, что резчик хотел изобразить на князе кольчугу с поясом. Надписи очень непонятны, многие слова на лицевой стороне не поддаются дешифровке. Такая перемена в надписях заставляет меня предполагать, что на монетный дворъ в Киеве, где княжил Всеволод, отец Владимира, художники-резчики матриц были присланы из Переяславля, где, конечно, трудно было найти грамотного мастера. Я отношу эту группу ко времени княжения Мономаха в Переяславле в 1094—1113 г., который был утвержден за ним, как отчина отца, на Любечском съезде князей в 1097 г. В этот период времени Мономах вел войны с половцами, которым нанес в 1111 г. при р. Сальнице большое поражение¹. Как на особенность изображения князя, укажу на нимб вокруг головы. Со стороны исследователей древнейших русских монет были попытки разобрать содержание надписей сребреников Владимира Мономаха этой группы (№№ 20—28), или, припоминая меткое слово покойного И. Е. Забелина, надписи «подвергались истязаниям», с которыми я вкратце познакомлю.

¹ О княжении Владимира Мономаха в Переяславле см. В. Г. Лискоронский «История Переяславльской земли», изд. 2-е, стр. 252—265.

Первый, давший сребреникам второй группы описание с дешифровкой надписей, был Я. Я. Волошинский (см. его «Описание монет, найденных близ Нежина», стр. 7, №№ 11—20). Описывая 10 экземпляров этого типа, он читает надписи лицевой стороны, начиная с правой стороны от изображения князя, буквы которых он суммирует и получает надпись «Ярсрллав», в которой видит имя Ярослав. Надписей слева от изображения князя на 8 экз. совсем не сохранилось, а на двух, судя по рисункам к его статье, заметен ряд вертикально стоящих черточек, которые, по мнению Волошинского, не составляют продолжения надписи, а похожи на буквы, известные в нумизматике под названием *litterae solitariae*. Надпись оборотной стороны он восстанавливает, как «а се его сребро». Монеты этого типа Волошинский относит к Ярославу Владимировичу.

И. И. Толстой в монографии описал 35 сребреников этого типа (№№ 11—44+№ 31а), буквам лицевой стороны которых дал следующую сводку (стр. 30): ВАДИИМРАСРЛ+, которую переводит на современный язык так: «Владимир на столе». Надпись оборотной стороны он дешифрирует так же, как Волошинский: «а се его сребро».

Н. П. Чернев подверг разбору чтение И. И. Толстого, букву за буквой, и в результате говорит (Заметки, стр. 19): «ни на одной из монет разбираемой категории не только не находится в полном виде надписи, читаемой на них Толстым, но нельзя прочесть ни одного из отдельных слов, ее составляющих (Владимир, на, столе)»; в итоге он считает (стр. 20), что монеты II типа «следовало бы до поры до времени отложить в разряд неопределенных». Таким образом, все трое авторов пришли к разным выводам.

В «Классификации», стр. 97, я не пытался дать чтение надписей, но рассмотрел сребреники со стороны родовых знаков. Родовые знаки всех описанных Толстым сребреников II типа его классификации (наша вторая группа) сходны как между собою, так и со знаками на всех остальных сребрениках с именем Владимира, что и заставило меня отнести все монеты II типа, по классификации Толстого, к монетам, чеканенным Владимиром Мономахом.

Приписав сребреники Владимиру, необходимо, конечно, искать на них его имя. Ввиду разнообразия надписей, остановлюсь на них несколько подробнее.

Для рассмотрения монетной легенды возьму сребреник с наиболее хорошо вырезанной надписью, описанный Толстым в монографии под № 11, табл. 1 и 2, фиг. 1. Тот же экземпляр переиздан автором в «Древнейших русских монетах X—XI вв.», табл. XII, фиг. 21—22, но надпись на этом снимке сделана фототипиею с гипсового слепка, в монографии же снята с оригинала, вследствие чего на снимке со слепка не выявились черточки, которые находятся по обеим сторонам нимба. Надпись лицевой стороны

сребреника, который сравнительно с остальными известными сребрениками 2-й группы можно назвать образцовым, имеет, по-видимому, 2 слова: первое состоит из трех букв В, А, Д, которые вполне можно допустить, как сокращение имени Владимир. Другое слово, представляющее набор букв, начинается с двух пар вертикальных черточек по обеим сторонам нимба; за ними следует буква, похожая на М, при ближайшем рассмотрении имеющая сходство с иотированным А на сребренике Ярослава Мудрого (см. нашу табл. II, фиг. 3), также на сребренике Владимира 2-й группы, изображенном на табл. I, фиг. 5 монографии Толстого. Из этого я заключаю, что резчик хотел буквою, похожую на М, передать звук буквы Я. Далее идут: Р, А, С, Р, Л и крестик. На других сребрениках этой группы порядок букв перемешан, как, напр., на нашей табл. V, фиг. 2, где обе пары вертикальных черточек поставлены в конце, также и на других экземплярах, о которых можно судить по «Сравнительной таблице № 1», приложенной к «Заметкам» Чернева. Все это указывает малограмотность монетных резчиков Киевской Руси начала XII в. и на неустановившиеся формы букв кириллицы.

Для сравнения приведу другой памятник: надпись на мозаичной стенной иконе Евхаристин Михайловского монастыря в Киеве, исполненной одновременно со сребрениками Мономаха 2 группы; в надписи есть ошибки, и даже текст писан небрежно: дважды повторяется слово «завета» (см. Толстой и Кондаков «Русские древности», вып. IV, стр. 163). Из приведенного примера видно, что малограмотность была не только у мелких мастеров-резчиков, но и у крупных, исполнявших такие большие работы, как украшение мозаикой стен в монастыре.

Перехожу к надписи оборотной стороны того же сребреника (Монография Толстого, № 11) АСЕЕ... + ВР; в этих буквах мы должны читать «а се его сребро». Некоторое сходство с этой легендой мы видим на сребрениках №№ 16, 31 монографии Толстого; на других находим целый набор букв, как напр. на № 39: СТЕЕГАСВР.О, которые, без сомнения, предназначались резчиком для выражения той же надписи «а се его сребро». Из рассмотрения обеих сторон сребреников можно сказать одно, что мастера были совсем безграмотны и резали буквы, не понимая их значения.

Возвращаясь к надписи на сребренике, напомним, что Волошинский в буквах лицевой стороны сребреников 2-й группы видел написание имени Ярослав, что и заставило его отнести этот тип Ярославу Мудрому. В этом наборе букв ЯРАСРЛАВ действительно содержатся элементы имени Ярослав, помещение которого здесь ничем нельзя оправдать; но, если припомним, что за Владимиром на Любечском съезде князей Переяславль был утвержден, как отчина отца, Мономах мог отметить на монете имя Переяславля; элементы имени города имеются во второй его половине; с написанием имени в целом виде мастер, резав-

ший матрицу, не мог справиться; но как связать оба имени,— князя и города—на надписи, сказать не могу. Также затрудняюсь сказать, как изображено было имя города. Ляскоронский (История Переяславльской земли, изд. 2-е, стр. 124—125) говорит, что Переяславль мог писаться Переславль и Предславль. Если вторая половина имени города изображена на сребренике буквами АСРЛ, которыми денежник хотел передать а слав, то начало имени Пере или Перея должно заключаться в 4 вертикальных черточках и букве, похожей на М, т. е. иотированном А. Черточки особенно ясно видимы на сребренике № 32 монографии Толстого, табл. 8, фиг. 1; они читаются автором как буквы Н, о чем см. в его рассуждении о надписях на сребрениках 2-й группы, стр. 28—30 монографии. Во всяком случае тот материал, который дают буквы надписи лиц. стороны, не позволяет согласиться с чтением Толстого «Владимир на столе», что было указано Черневым в «Заметках», стр. 19. Также считаю и мои восстановления надписей лиц. стороны предположительными; дешифровка их может быть сделана палеографом, или поможет правильному чтению находка экземпляра с четкою надписью.

Выше я высказал соображения, что монетный двор Владимира, как князя переяславского, был в Киеве, что вполне возможно, тем более, что, как пишет Ляскоронский (у. с., стр. 252 сл.), пребывание Владимира в Переяславле было чрезвычайно трудным, приходилось много терпеть от войн с половцами, пока последние не были окончательно разбиты Мономахом в 1111 г. при р. Сальнице.

Монет 2-й группы в Историческом музее 8 экз. целых и 1 обломок.

20. Лиц. ст. Грубое изображение князя впрямь, повидимому, сидящего; седалище характеризуется двумя полукружками с боков, изображающими, вероятно, ручки седалища или концы подушки. На голове шапка из бус, по сторонам перпендулии; вокруг головы нимб. Черты лица и нос изображены прямыми линиями, глаза и рот точками. На князе одежда в роде плаща, на котором горизонтальная полоска из линии между двумя рядами точек, изображающая, вероятно, пояс; на груди крест из пяти бус. Правую рукою держит крест на длинном древке. Ноги в виде двух крючков. Слева буквы ВДМ, вероятно, от имени Владимир. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Надпись начинается справа: АЛЕГО СРЕБРО, т. е. «а се его сребро». Двойной бусовый ободок.

Вес 2,5 гр. Подобный сребреник описан в монографии Толстого под № 41, табл. 1 и 2, фиг. 12. Ист. Муз. № 58684. Табл. V, фиг. 1.

21. Лиц. ст. Поколенное изображение сидящего князя впрямь, справа видна подушка; в правой руке крест на древке, левая— у груди; на голове шапка из бус с перпендулиями, вокруг головы

нимб. На князе плащ, покрытый точками, может быть, кольчуга с поясом в виде двух линий. Надпись слева не оттиснулась, справа: МРАСРП+. Следы бусового ободка.

Об. ст. Родовой знак. Надпись: слева СЕЕГ, справа ВР... Следы бусового ободка.

Вес 2 гр. Подобный сребреник, но другой матрицы и с немного отличающейся надписью с лицев. стороны, описан в монографии Толстого под № 31, табл. 5, фиг. 7. Ист. Музей № 67580. Таблица V, фиг. 2.

22. Лиц. ст. Поколенное изображение князя, сходное с предыдущим. Справа надпись: М (или П) РАСРЛ+. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Надпись СЕЕГЕСР+В... Двойной бусовый ободок.

Вес 2,9 гр. Подобный сребреник издан в монографии Толстого под № 31, табл. 5, фиг. 7. Ист. Музей № 58684. Табл. V, фиг. 3.

23. Лиц. ст. Поколенное изображение князя впрямь; на голове шапка из бус с препендулиями, вокруг головы нимб; правую руку держит крест на древке, левая у груди. Одет в кольчугу с поясом. От надписи справа видны буквы РЛ. Бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Слева СЕ, сверху ЕР. Бусовый ободок.

Вес 3,2 гр. Описан в «Русских монетах до 1547 г.» под № 5, табл. 1, фиг. 6. Из собрания А. Д. Черткова (основное собрание Исторического Музея). Табл. V, фиг. 4.

24. Лиц. ст. Изображение сидящего князя впрямь, на голове шапка с препендулиями, вокруг головы нимб; по сторонам сиделища по два кружка (концы подушки). Правую руку держит крест, левая у груди, над кистью руки точка, ноги в виде крючков. Одет в кольчугу с поясом. Надпись не оттиснулась. Бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. От надписи заметны сверху буквы СЕ. Следы бусового ободка.

Вес 3,2 гр. Подобный сребреник издан в монографии Толстого под № 11, табл. 1 и 2, фиг. 1. Ист. Музей № 67580. Табл. V, фиг. 5.

25. Лиц. ст. Поясное изображение сидящего князя в шапке из бус с препендулиями; вокруг головы нимб. Правую руку держит крест на древке, левая на груди; над кистью руки точка. Одет в плащ с поясом из двух линий с рядом точек между ними. Надпись: ЛТІРЕР. Следы бусового ободка.

Об. ст. Родовой знак. Надпись: ССР.. РСР+В.

Вес 2,7 гр. Часть монеты выломана. Описана в монографии Толстого под № 16, табл. 10, фиг. 2. Из собрания Румянц. Музея. См. Сонцев «Нумизматические исследования славянских монет», Ч. 1-я, стр. 11, № 1, табл. XV, фиг. 140. Ист. Муз. № 54732. Табл. V, фиг. 6.

26. **Лиц. ст.** Поколенное изображение сидящего князя в шапке с препендулиями, вокруг головы нимб. Правую рукою держит крест на древке, левая у груди; над кистью руки две точки. Надпись справа: АСРЛ. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Слева следы надписи. Двойной бусовый ободок.

Вес 2,8 гр. Издан в «Материалах по русской нумизматике» П. В. Зубова под № 2, табл. 1, фиг. 2. Ист. Муз. № 67580. Табл. V, фиг. 7.

27. **Лиц. ст.** Изображение князя, подобное предыдущим, но более грубое: черты лица имеют форму креста; внизу плаща три, напоминающие шнуры, конца; слева, у седалища, виден конец подушки. Вокруг головы нимб, в правой руке крест, левая у груди. Надпись справа: АСРЛ. Двойной ободок из точек.

Об. ст. Родовой знак среди двойного ободка из точек. Надписи нет.

Вес 2,065 гр. Серебро низкопробное. Исторический музей № 71885. Сребреник напоминает экземпляр, описанный Толстым в монографии под № 42, изобр. на табл. 1 и 2, фиг. 13. См. нашу табл. V, фиг. 8.

28. Обломок сребреника описанного типа.

Лиц. ст. Изображение князя в шапке из бус с препендулиями, вокруг головы нимб; левая рука у груди. Надпись справа: П (или IA) АСРЛ... Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. От надписи слева видны буквы: ꙗ..

Вес 1,1 гр. Ист. Муз. № 67227. Найден в 1894 г. К. А. Ставровским в Киеве, на горе Киселевке на Подоле. Табл. V, фиг. 9.

Рассмотрев переяславские монеты Владимира Мономаха, видим, что труднейшею стороною всех описанных доселе монет, кроме Ярославля серебра, было чтение надписей. Хотя об этом было сказано при описании, но здесь еще раз отмечу вопрос о необходимости подвергнуть надписи палеографическому разбору, для восстановления правильного чтения легенд, которое является краеугольным камнем в русской нумизматике до-монгольского периода. Более всего необходимо приложить старание к дешифровке надписей на сребрениках вел. кн. киевского Изяслава и его сына Ярополка вышгородского. Дешифровка надписей на них, произведенная Н. И. Петровым, не может считаться безусловно доказанною. Надписи на сребрениках Владимира Мономаха, чеканенных, по моему определению, для княжества переяславского, были прочитаны Волошинским и Толстым, но, при самом поверхностном взгляде, чтения обоих авторов не могут быть приняты; также мое предположение восстановить имя г. Переяславля остается только предположением.

В заключение выскажу общее замечание о надписях всех изданных монет: насколько мастера, резавшие легенды для новгородского серебра Ярослава, были грамотны и надписи составлены вполне правильно, настолько киевские мастера, кроме

мастеров, резавших матрицы для сребреников Владимира Мономаха, как великого князя киевского, были безграмотны, и им был чужд шрифт той кириллицы, которую видим на серебре Ярослава.

Монеты Владимира Мономаха, чеканенные для великого княжества Киевского (1113—1125).

29. **Лиц. ст.** Изображение вел. князя на седалище с высокой спинкой впрямь, края спинки украшены крупными бусами, контуры спинки и ножки покрыты мелкими бусами. Правой рукой князь держит крест на длинном древке в наклоненном положении. На голове шапка из бус, увенчанная крестом. Надпись ВЛАДН РЪНАСТО. Линейный и бусовый ободки.

Об. ст. Родовой знак. Надпись: АСЕЕ ГИС БРО. Линейный и бусовый ободки.

Вес 3,45 гр. Описан в «Русских монетах до 1547 г.» под № 3а, табл. 1, фиг. 4. В монографии Толстого под № 67, табл. 10, фиг. 1. Из собрания монет Московск. Университета, теперь в Историч. Музее. Этот сребреник, найденный в Борисполе, первый, который стал известен в литературе. Табл. VI, фиг. 1.

30. **Лиц. ст.** Изображение вел. князя на седалище с высокой спинкой; правой рукой держит крест на длинном древке в наклоненном положении, левая у груди. Надписи изгладились.

Об. ст. Родовой знак. От надписи сохранилась буква С слева, остальное изгладилось.

Вес 3,12 гр. Ист. муз. № 58684. Хорошо сохранившийся сребреник этого типа, может быть, той же матрицы, издан в монографии Толстого под № 46, табл. 1 и 2, фиг. 15, также в «Древнейших русских монетах X—XI вв.» того же автора, стр. 48, табл. XIII, фиг. 5 и 6. См. нашу табл. VI, фиг. 2.

31. **Лиц. ст.** Изображение вел. князя на седалище с высокой спинкой с крестом в наклоненном положении около правого плеча, на голове шапка из бус с препендулиями. Одет в плащ, застегнутый на груди круглою запоною. Следы надписи. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Надпись справа: А в виде буквы Д, ΣС (вероятно СЕ), вверху Е. Жгутовый ободок.

Вес 54 доли. Описан в монографии Толстого под № 64, табл. I и 2, фиг. 22. Снимок сделан с гальванопластической копии со сребреника собрания Эрмитажа. Таблица VI, фиг. 3.

32. **Лиц. ст.** Изображение вел. князя, сидящего на столе с высокой спинкой, украшенном по контурам мелкими и крупными бусами. Правую руку держит крест на древке, приложенный к плечу; на голове шапка из бус с препендулиями; одет в плащ, застегнутый на груди запоною. Надпись: ВЛАДНМН РЪНАСТОЛ (последняя буква похожа на А или Д). Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Круговая надпись начинается справа: АСЕ ГОСРЕ БРО. Двойной бусовый ободок.

Вес 68 долей. Описан в монографии Толстого под № 45, табл. 1 и 2, фиг. 14. Снимок сделан с гальванопластической копии со сребреника собр. Эрмитажа. Табл. VI, фиг. 4.

33. Лиц. ст. Изображение вел. князя на седалище без спинки впрямь, на голове шапка с препендулиями, увенчанная крестом, вокруг головы нимб. Правую рукою держит крест на древке, опирающийся на ступенчатую подставку, левая рука у груди. Надпись: ВЛАДН МНРЪ НАСТО. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Надпись: ОЛЕ АС ЕЕГО. Двойной бусовый ободок.

Вес 3,05 гр. Издан в «Русских монетах до 1547 г.» под № 4, табл. 1, фиг. 5. См. А. А. Ильин, Топография кладов, № 23. Ист. Муз. № 7053. Табл. VI, фиг. 5.

34. Лиц. ст. Изображение вел. князя, подобное предыдущему, но другой матрицы. От надписи сохранилось: + ВЛАД МН. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Слева неясные следы надписи, справа ГОСРЕ, далее неясно. Двойной бусовый ободок.

Вес 2,98 гр. Дефектный экземпляр: с обеих сторон недостает по куску. Очень сходный сребреник описан в монографии Толстого под № 75, табл. 7, фиг. 10. Ист. Муз. № 67580. Табл. VI, фиг. 6.

35. Лиц. ст. Изображение вел. князя, подобное предыдущему. [Древко креста опирается не на ступенчатую подставку, а на + в начале надписи]. Надпись: + ВЛАД Н МНРЪ Н. Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Надпись: АСЕЕ ГО СРЕБР. Бусовый ободок.

Вес 3,3 гр. Этот экземпляр из собр. Бодилевского. Описан в монографии Толстого под № 69, табл. 7, фиг. 11. Ист. Муз. № 67580. Таблица VI, фиг. 7.

36. Лиц. ст. Изображение вел. князя, подобное предыдущему, но с иными подробностями в одежде. От надписи видны следы букв I. Д [и Н] (От имени Владимир), правая сторона не оттиснулась.

Об. ст. Родовой знак. От надписи справа видно: СЕЕ, слева внизу—следы какой-то буквы. Бусовый ободок.

Вес 2,44 гр. Из собрания Румянц. Музея; в трудах Сонцова не описан. См. монографию Толстого под № 76, табл. 10, фиг. 3. Ист. Музей № 54732. Табл. VI, фиг. 8.

Описанные 8 монет третьей группы сребреников дают изображение великого князя-правителя, сидящего на столе, т. е. престоле, имеющем две разновидности; со спинкою (№№ 29—32) и без спинки (№№ 33—36). В этой группе та разновидность, у которой стол без спинки, стоит в художественном и палеографическом отношении выше сребреников со столом со спинкой: рисунок изображения вел. князя правильный, надписи разборчивы.

В группе сребреников со столом со спинкою некоторые экземпляры по грубости их работы сходны с переяславскими сребрениками, может быть, даже они—изделия переяславских мастеров; для сравнения даю на таблице VI изображения двух сребреников, снятых с гальванопластических копий с экземпляров Эрмитажа: один (фиг. 3) очень грубой работы, другой (фиг. 4) довольно хорошей с правильными надписями. Обе разновидности третьей группы я отношу к великому княжению Владимира Мономаха в Киеве. Необходимо отметить, что на сребрениках со столом со спинкою у вел. князя нет нимба, на сребрениках без спинки у вел. князя имеется нимб.

О сходстве изображения лицевой стороны сребреников Владимира Мономаха со столом без спинки со сребрениками Святополка Михаила я говорил выше при описании монет последнего.

Судя по монетному материалу, которым мы располагаем, сребреники Владимира Мономаха третьей группы являются последними; монеты князей, следующих за Владимиром Мономахом, нам неизвестны.

Из сфрагистических памятников времени Владимира Мономаха Н. П. Лихачев издал замечательную по надписи печать, найденную в 1909 г. в Киеве, в Зверинце, в усадьбе Куренного (Материалы, вып. 1, стр. 108, Альбом, табл. LI, фиг. 7), с погрудным изображением св. Василия великого и с шестистрочною надписью, которую привожу в транскрипции издателя: «Господи, помози рабу своему Василию, князя Руськаго». Н. П. говорит, что родительный падеж после «помози» является необыкновенным искажением, свидетельствующим о незнании мастером русского языка. Печать Н. П. относит к Владимиру Мономаху и отмечает, что владелец печати назван не великим, а просто князем русским.

Хотя Н. П. Лихачев, говорит, что князей с именем Василий в XI—XII вв. было много, но, повидимому, к тому же Владимиру Мономаху можно отнести две небольшие, но довольно тщательные по работе печати собрания Исторического Музея, найденные одна в Киеве, другая в Вышгороде, изданные в «Материалах», вып. 1, стр. 106, Альбом, табл. V, фиг. 2 и 3, с изображением Василия великого и с формулой «Господи, помози».

Может быть, самым выдающимся из монетообразных памятников, относимых к Владимиру Мономаху, нужно считать знаменитую золотую, массивную (вес ее 43 зол.) гривну-змеевик, найденную в 1821 г. в 7 в. от Чернигова, у дер. Белоусовой, с надписью «Господи, помози рабу своему Василию аминь». И. И. Срезневский (см. «Древние памятники русского письма и языка», 2-е изд., стр. 41 и он же «Славянорусская палеография», стр. 137—139) в описании «гривны» говорит, что «первая строчка надписи на ней, напоминая о рабе божием Василии, заставляет думать о князе, носившем это имя, и так как из князей Черниговских это имя носил Владимир Мономах, то мысль останавливается на этом князе».

Н. П. Лихачев (Материалы, вып. 1, стр. 129) об этом замечательном памятнике говорит так: «Конечно палеография вещественных памятников не обладает таким большим количеством датированных надписей, чтобы определения свои ограничивать до десятилетий. Возможно, что Черниговская гривна, памятник первой половины XII века, и не принадлежала Владимиру Мономаху. Но все-таки, с наибольшей вероятностью, золотой филактерий этот принадлежал русскому князю».

При описании одежды князей приходилось упоминать о головных покрытиях двух типов: низком и высоком; высокие покрытия напоминают шапку конической формы с опушкой. Небрежный рисунок на монетах всех изображений князей не позволил остановиться на княжеских шапках более подробно, поэтому обращаюсь к исследованию Н. П. Кондакова «Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века» (С. П. Б., 1906 г.), в котором им был рассмотрен вопрос по миниатюрам о головных покрытиях князей; монет автор не касался. «Нет надобности, пишет автор (стр. 60), прибегать к объяснению того..., что исходным типом венца является, как и всегда в европейской истории, венец императорский. Можем считать условно установленным, что основная форма металлического обруча для византийской короны уже не была диадема (повязка матерчатая, затем металлический обруч), но со времен Юстиниана заменена формой стеммы, т. е. золотым обручем, снабженным изнутри матерчатой шапочкою, над которой укреплялась еще металлическая крестообразно сложенная дужка, в перекрестии которой утверждался драгоценный крест.» Переходя к русским княжеским головным уборам, автор (стр. 64) пишет: «...русские княжеские шапки были одно время общи всему средневековому западу и, стало быть, могут называться «русскими» лишь потому, что удержались у нас всего долее и не были заменены иными формами, как то имело место на Западе».

Далее автор пишет, что эти доказательства связаны с вопросом о столь крупном и видном памятнике, как венгерская корона, так называемая «корона св. Стефана», византийского происхождения. Смотри на прилагаемый к исследованию Кондакова рисунок венгерской короны, мы видим, что низкие шапки, которые имеют на монетах изображения великих князей Изяслава Ярославича, Святополка Михаила и некоторые Влад. Мономаха, главным образом сидящего на столе, по форме сходны с венгерской короной. На миниатюре Трирской Псалтири, где изображено венчание Ярополка и Ирины на княжение, в руках Христа находятся стеммы, которые аллегорически должны представить венчание Ярополка на великое княжение.

Цитируя «Книгу о чинах» Кодина, Кондаков (стр. 62) говорит: «Церемониальная шапка получила название «складна», и шапка обычной полукруглой формы (скуфья), плотно прилегающая к голове, но сплошь обнизанная жемчугом, стала отличием

деспота, т. е. первого сана империи». Если низкая шапка на русских монетных изображениях может предположительно быть названа стеммою, то высокие шапки, которые находятся на остальных монетных изображениях князей, можем назвать складнями.

КНЯЖЕСТВО ТМУТОРОКАНСКОЕ

Князь Олег Михаил Святославич (1083—1094)

О княжестве Тмутороканском писали многие авторы, занимавшиеся древним периодом истории Руси. В результате мы имеем ряд выводов о его местоположении, самых противоположных, и только благодаря статьям исследователей исторических судеб Тмутороканя, появившимся в последнее время, были устранены толкования некоторых авторов, желавших поместить Тмуторокань—один у устьев Днепра, другой в Черниговщине, третий у устьев Дона и т. д.¹, вопреки такому точному свидетельству о положении города, как знаменитый Тмутороканский камень.

Прежде, чем перейти к дальнейшему, условлюсь об орфографии имени города. Имя на камне высечено Тьмуторокань в мужском роде; так и следовало бы писать, но буква ь при выговоре потеряла прежнее значение, поэтому буду писать сокращенно Тмуторокань. В «Слове о полку Игореве» в имени города после Т стоит буква ь.

Статьи о Тмуторокане, главным образом о центральной фигуре в кратковременной истории княжества, князе Олеге Михаиле Святославиче, появились как результат находок привесных свинцовых печатей. Одну из самых замечательных греко-русских печатей представляет печать архонтиссы России Феофании Музалониссы, впервые изданная Schlumberger в *Revue Numismatique* 1883, стр. 454—455, но без исследования, затем переизданная И. И. Толстым во II т. И. Р. А. О., также без исследования. В 1894 г. в I т. «Византийского Временника» Х. М. Лопарев напечатал исследование об этой печати с обстоятельным комментарием. Н. П. Лихачев, в «Материалах для истории византийской и русской сфрагистики», вып. 1, стр. 137, переиздал печать автотипией с подлинника². Описание Н. П., главным образом образом лицевой стороны, исправляет прежние описания: на ней видим два женские изображения святых, из коих одно Богоматерь (буквы МР ΘΥ видны в лупу), другое—св. Феофания, патронесса владелицы печати, по верному объяснению Н. П. Лихачева. Между ними сверху, в диске, поясное изображение Эммануила. У Schlumberger святые определены Кириллом и Мефодием, у Лопарева—Борисом и Глебом.

¹ См. статью И. П. Козловского «Тмуторокань и Таматарха-Матарха-Тамань», в Изв. Таврич. Общ. Истории, Археологии и Этнографии, т. II, Симферополь, 1928 г., где перечислены труды по этому вопросу.

² Печать от Schlumberger перешла в собрание Н. П. Лихачева.

Оборотная сторона занята надписью в 7 строк, которую Schlumberger и Н. П. Лихачев читают так:

ΚΕΡΟ/ΤΗΣΗ ΔΥΛΗ ΘΕΟΦΑΝΟΥ ΑΡΧΟΝΤΗΣ ΡΩΣΙΑΣΤΗ ΜΥ-
ΖΑΛΗ/—ΝΗΣΗ—Господи, помози рабе твоей Феофании, архонтиссе
России, Музалониссе (из рода Музалонов). Титул архонтиссы или
архонта могли иметь на Руси только княгиня или князь¹. Н. П.
Лихачев (у. с., стр. 156) ссылается на «Беседы» (по поводу наше-
ствия Руси) патр. Фотия, который именует начальника Россов
(Аскольда?) архонтом. Что же касается наименования Россия,
то Н. П. (у. с., стр. 139—140) приводит мнение Ю. А. Кулаков-
ского, который в исследовании «К истории Боспора (Керчи) в
XI—XII вв.» доказывает, что под именем «России» скрывается
Керчь и в XI в. Тмутороканским князьям принадлежали как во-
сточный, так и западный берега Керченского пролива, что под-
тверждается надписью князя Глеба (Тмутороканский камень).
Титул «архонтиссы России», по мнению Кулаковского, относится
не ко всей России, а к западной части Тмутороканского княже-
ства². Таким образом, надпись может читаться так: Господи,
помози рабе твоей Феофании, княгине России, из рода Музалонов.

Комментируя надпись на печати, Лопарев задает вопрос, кто
была княгиня России Феофания, и неожиданно получает ответ на
него в исследовании Зотова: «О черниговских князьях» по извест-
ному Любецкому синодику, куда (стр. 24 и 34) вписаны вел. князь
Черниговский Михаил и супруга его княгиня Феофанна. В имени
Феофании ему нетрудно было угадать византийскую аристо-
кратку Феофанию Музалониссу, супругу Олега Михаила Свято-
славича. Такое открытие заставило автора углубиться в факти-
ческую сторону жизни Олега Святославича. Главные выводы ис-
следования Х. М. Лопарева следующие: сначала Олег Михаил
княжил во Владимире на Волыни (1073—1076), но был лишен
стола и содержался в заключении в Чернигове у своего дяди Все-
волода Андрея Ярославича, от которого бежал в Тмуторокань.
Вместе с братом Романом он нанял половцев и хозар, чтобы за-
нять Чернигов, но те передались Всеволоду, Романа умертвили,
а «Олга емше Козаре поточише за море Царюграду» (1079).
Факту насильственной высылки в Византию Лопарев не дает объ-
яснения и не знает, как поступали в таких случаях ромейские са-
модержцы. Неизвестно, сколько времени прожил в Константино-
поле Олег, но известно, что оттуда он переехал на остров Родос,
что узнаем из «Хождения» русского паломника игумена Даниила
в Святую Землю, приезжавшего в начале XII ст. в Родос, где
местные греки ему сообщили, что здесь был Олег, князь русский,

¹ Шлумберже, *Revue Num*, 1883 г., стр. 454, так объясняет титул архонта: этим титулом византийская канцелярия означала варяжских князей, потомков Рюрика.

² См. о Тмутороканском уделе в издании Археологической Комиссии «Прошлое Тавриды» Ю. А. Кулаковского. Изд. 2-е, Киев, 1914 г., стр. 88—95.

и прожил 2 лета и 2 зимы. Во время невольного пребывания в Византии он женился на тамошней аристократке Феофании Музалон и в 1083 г. вернулся на Русь, заняв с помощью греков, как пишет Карамзин (изд. Эйнерлинга, т. 1, 56), Тмуторокань, где произвел жестокую расправу с хозарами, умертвившими его брата Романа. В Тмуторокани он прожил до 1094 г., откуда с нанятыми половцами пошел к Чернигову, осадил город, который был ему сдан Владимиром Мономахом. В Тмуторокань Олег более не возвращался. Здесь кончается деятельность Олега Михайла, как князя Тмутороканского. Умер он в 1115 г.

Голый перечень фактов показал нам, каким беспокойным характером обладал Олег Святославич. О личных его свойствах летописи, вообще скудные на характеристику, ничего не пишут и только раз приводят ответ Олега князьям, звавшим его в 1096 г. на съезд в Киеве для усмирения междоусобий: «Олеги же, въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом». Слова эти, сказанные уже после его возвращения из Византии и Родоса, звучат сознанием высокого о себе мнения, показывают его гордый, независимый характер. Но ярче охарактеризован он в «Слове о полку Игореве», автор которого, повидимому, отрицательно относился к личности Олега Святославича. Вспоминая о полках, т. е. походах Олега, автор Слова говорит: «Той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрелы по земле сеяше» и далее: «...при Олезе Гориславичи сеяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-божа внука, в княжих крамолах вещи человекомъ скратишася». Связывая со временем Олега Святославича междоусобия и гибель достоинства внуков Дажь-Бога, т. е. людей, и сокращение жизни человеческой от княжеской крамолы, автор Слова не без иронии меняет его отчество Святославич на Гориславич. Дубенский¹ производит его от имени его прабабки Гориславы Рогнеды, или, как объясняет Н. П. Лихачев (у. с., стр. 138), автор Слова так называет Олега по злоключениям, его постигавшим.

К памятникам, относящимся непосредственно к князю Олегу Михаилу, я отношу печати с изображением арханг. Михаила в рост на одной стороне и с родовым знаком на другой; несколько печатей этого типа издано в Альбоме к «Материалам» Н. П. Лихачева на табл. VII, фиг. 10, 11; XI, 3 и XLIX, 5. Рисунок родовых знаков, относимых мною к Святославичам Черниговским, имеет в схеме двузубец, что видим на родовом знаке печати, изданной Н. П. Лихачевым в «Материалах», вып. 2-й, фиг. 181, 182, относимой автором к Всеволоду Кириллу Ольговичу Черниговскому (знак изображен в «Классификации древнейших русских монет», фиг. 21). Тот же двузубец в схеме видим на печати отца Всеволода Кирилла князя Олега Святославича: его родовой знак издан

¹ Русские Достопамятности, ч. 3-я, М. 1844 г., стр. 77.

в «Классификации», фиг. 24. См. оба знака на табл. I, фиг. 19 и 20.

Нельзя не упомянуть привесной печати, описанной Н. П. Лихачевым в I вып., стр. 141; изображение ее см. в Альбоме, табл. I, фиг. 1. Печать свинцовая, византийской работы, найдена в Кубанской области¹. На лицевой стороне изображен арханг. Михаил в рост, на обороте надпись в 4 строки: СΦΡΑΓΙΣ/ СЕΒΑΣΤΟΥ ΜΙΧΑΗΛΑΥ ΤΗΔΥΚΑ/=печать Севаста Михаила автидука. Объясняя надпись, Н. П. пишет: «Что печать принадлежит Михаилу, имевшему высокий византийский титул севаста, это совершенно ясно, но что значит окончание надписи ΑΥΤΔΥΚΑ? Фамилия Дука нам хорошо известна, но в соединении с αὐτῆ кроется уже указание не на род, а на звание, происходящее от римского *dux* и также употребительное в Византии». Далее автор приводит следующее место из летописи под 1036 годом: «по семь же (Мстиславе) перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластец Русьстей земли» и затем приводит начало из уставной грамоты князя Всеволода Мстиславича (около 1134—1135 г.): «се азъ князь великий Гаврилъ, нареченный Всеволодъ, самодръжець Мстиславичь». В приведенных текстах Н. П. подчеркивает оба звания самовластец и самодержец, как однозначущие знанию автидука. Далее Н. П. отмечает тождественные экземпляры печатей собраний Лондона и Афин; автор афинского каталога Константинопуло отнес печать деспоту Эпира Михаилу I Дука, что опровергается Н. П., как хронологически неподходящее определение: Михаил I Дука занял престол после 4 крестового похода (1204 г.), относил же печать к XIII в. он считает невозможным, определяя ее самое позднее концом XI в. Это обстоятельство заставляет Н. П. Лихачева предположить, что печать, найденную в Кубанской области, можно отнести к Олегу Михаилу, супругу Феофании Музалониссы, к тем немногим годам, когда Олег Михаил сидел в Тмуторокане. «Считать себя архонтом России соответствовало целям и стремлениям князя», заканчивает автор, но неожиданно прибавляет: «Однако, все-таки, я не только колеблюсь, но скорее готов решить вопрос отрицательно». В подстрочном примечании Н. П. высказывает новое предположение о принадлежности печати Михаилу Дуке, который был протестратором и приходился шурином императору Алексею Комнину. Таким образом, вопрос о точном определении печати остается открытым.

Нижепоисанный памятник времени Олега Михаила не должен представлять столько трудностей для его объяснения, как предыдущий; это серебряная монета Олега Михаила, князя Тмутороканского удела. Первая найденная монета известна в литературе с 1869 г. по изданию ее в «Древностях» Моск. Археол. О-ва, т. III, стр. 190—194. Автор статьи Е. Е. Люценко вполне правильно отнес ее к Олегу Святославичу. Плохой политипаж с монеты в статье и несвойственная монетам надпись с формулою

¹ На место находки особенно обращает внимание Н. П. Лихачев.

«Господи, помози» заставили меня отрицательно отнестись к ее определению, как денежного знака: я видел в ней или икону, тельник или печать (см. Труды Моск. Нум. О-ва, т. III, стр. 114); позднее, когда я увидел другой экземпляр монеты, здесь издаваемой, в одном из заседаний Моск. Нум. О-ва, я убедился, что Люценко был прав, описав ее, как монету.

Найденная много лет спустя после статьи Люценка, монета Олега Михаила породила новую литературу. А. К. Марков, в заседании нумизматического отделения Русск. Археол. Общ. 13 апр. 1910 г. (см. Зап. Нум. Отд., т. II, стр. 100—101), демонстрировал «серебряный кружок» с надписью «Господи, помози рабу Михаилу». Палеографические данные и имя Михаила заставили Маркова предположить, что это монета XII в. вел. князя Киевского Святополка, который при крещении получил имя Михаила. А. А. Ильин в «Топографии кладов древних русских монет X—XI вв.», стр. 6, пишет: «Третий князь (подразумевая под первыми двумя св. Владимира и Ярослава), который, несомненно чеканил монеты, что теперь уже никем не оспаривается, но значительно позже, это Олег Михаил Святославич в Тмуторокани. Эта редкая монета нам известна всего в трех экземплярах. Все они найдены в Тамани, т.-е. древней Тмуторокани, в разное время».

Находка всех экземпляров на территории Тмутороканского княжества или вблизи его указывает на место их чеканки в промежутке тех лет, 1083 и 1094, когда Олег Михаил там княжил, но не для Черниговского княжества, стол которого ему передал в 1094 г. Владимир Мономах. Смутившая меня формула «Господи, помози», была помещена в подражание византийской формуле *Κυριε, βοηθει*: на монетах Михаила VII Дуки (1071—1078)¹, чеканенных в те года, когда Олег был в изгнании у Византийцев.

Последнее издание монеты находится в «Материалах» Н. П. Лихачева, вып. I, стр. 144—145, с изображением экземпляра собрания Эрмитажа. Автор говорит, что сребреник князя Олега Михаила чеканен по типу византийских милиаресиев Михаила VII Дуки. Обращаясь к весу визант. милиаресиев, эпохи княжения Олега Михаила (1083—1094) или предшествовавшей, видим, что средний вес монет хорошей сохранности имп. Константина Мономаха (1042—1055), на которые ссылается Н. П. Лихачев (Материалы, вып. 2, стр. 187), имел от 2,75 до 2,90 гр., следовательно, половина милиаресия равнялась 1,35 до 1,45 гр.; приблизительно этот вес имеют известные экземпляры сребреников Олега Михаила Святославича: экз. Историч. Музея весит 1,35 гр., оба Эрмитажных: 2,08 (экз. Толстого) и 1,81 гр.

К Тмутороканскому княжеству должны относиться некоторые из печатей с надписью «от Ратибора», именно те, которые найдены на территории княжества. Ратибор Климент был назначен

¹См. Wroth, Cat. of the imp. Byz. coins, II, p. 532, 533, № 21—23, Sabatier Monn. byz. II, p. 176, № 6.

в 1079 г. вел. князем Киевским Всеволодом посадником в Тмуторокань, после того, как Хозары «поточиша (Олега) за море Царюграду». Н. П. Лихачев, *Материалы*, вып. 2-й, стр. 19—22, делает обзор всем разновидностям печати Ратибора и многие, по месту их находок, не связывает с Тмутороканскими. Имя Ратибор языческое, крестное же его имя было Климент; изображение его патрона св. Климента видим на всех его печатях. Ратибор, как боярин киевский Климент, упомянут в житии преп. Феодосия Печерского. В собрании Исторического Музея находится печать Ратибора, найденная на территории Тмутороканского княжества.

К памятникам, близким по времени к княжению Олега Михаила в Тмуторокане, я отношу серебряный полуразрушенный кружок с оттиснутым, как на брактеатах, родовым знаком в середине и с круговой надписью (см. таблицу I со знаками, фиг. 18). Кружок найден в Тамани и был мне прислан, к сожалению, я не помню лица, нашедшего кружок. Кружок поступил в собрание С. И. Чицова, теперь принадлежит Историческому Музею. Родовой знак на кружке имеет в схеме двузубец с перекрестием на одном зубце; в середине знака точка. По рисунку он напоминает родовой знак на печати Всеволода Ольговича Черниговского, сына Олега Михаила (см. «Классификация», стр. 105, табл.; фиг. 21; наша табл. I, фиг. 19). Круговая надпись не поддается прочтению; судя по некоторым буквам, она должна читаться справа налево. Я различаю в надписи, вверху, над знаком, лигатуру из букв Г и О, означающую, может быть, сокращение слова «Господи», левее, где излом края кружка, по-моему, различаются буквы М, О, З и Н, может быть, от слова «помози». Н. П. Лихачев, *Материалы*, вып. I, стр. 103, определяет время византийских печатей с формулой «Господи, помози», относя их к после-иконоборческому периоду; переходя к русским печатям (стр. 106), он пишет, что в эпоху наибольшего византийского влияния на русское государство, формула призывания помощи божией не могла не отразиться на русских печатях. Описанные печати автор относит ко второй половине XI века. К этому же времени вполне возможно отнести описанный кружок, оттиснутый, судя по родовому знаку, одним из князей рода Святослава Черниговского.

Даю описание монеты Олега Михаила собрания Исторического Музея, куда она поступила из коллекции Н. И. Булычева.

37. Лиц. ст. Погрудное изображение арханг. Михаила впрямь, вокруг головы нимб, в правой руке жезл, в левой сфера; края одежды обшиты бусами. По сторонам головы—буквы М и Х (сокращение имени Михаил). Ободок из точек.

Обор. ст. Надпись в 4 строки: ГН ПО/МОЗ./МНХ./НЛ./=Господи, помози Михаилу. Ободок из точек.

Вес 1,35 гр. Собр. Ист. Музея № 58273. Табл. VI, фиг. 9.

Закончив описание типов древнейших русских монет, необходимо обратить внимание на имена князей, которые читаются на монетах. Как известно, Рюриковичи первых столетий их княжений носили два имени: языческое и даваемое при крещении христианское. Но всегда ли князья держались одного правила, какое ставить имя, увидим из рассмотрения надписей на их монетах. На сребренике Ярослава видим его языческое имя в надписи «сребро Ярославле» и христианское в изображении его патрона влкмч. Георгия на оборотной стороне монеты. Сын Ярослава, Изяслав, с сыном Ярополком чеканили на сребрениках их имена, данные при крещении: Димитрий и Петр. Святополк Михаил, сын Изяслава, чеканил на сребрениках только свое языческое имя. Владимир Василий Мономах на златниках и сребрениках всех типов чеканил языческое имя, и только на некоторых экземплярах типа сребреника, где князь изображен на седалище без спинки, описанных в монографии И. И. Толстого под № 82, табл. 3 и 4, фиг. 5 и табл. 6, фиг. 9, на оборотной стороне имеется надпись «святаго Василя», имя патрона Владимира Мономаха. На монете Олега Михаила Тмутороканского призывается помощь божия Михаилу, а на лиц. стороне монеты изображен арханг. Михаил, патрон Олега Святославича, следовательно, упоминается только его крестное имя. Из приведенных примеров видим, что определенного правила, какое ставить имя на монете, языческое или христианское, не было.

Другая особенность древнейших русских монет, это—нимб (венчик) вокруг головы князя, видимый на одних сребрениках и отсутствующий на других, хотя изображение дает одно и то же лицо в обоих случаях; напр., на сребрениках Владимира Мономаха, где видим князя, сидящего на престоле со спинкой, он изображен без нимба, а на других, где князь сидит на престоле без спинки, вокруг его головы—нимб. Окружать головы нимбом, это—обычай византийский, указывающий на высокий сан лица, но не на эмблему его святости; о нимбе имеется исследование Стефани «Нимб и лучезарный венец в произведениях древнего искусства», выдержка из которого дана И. И. Толстым в «Древнейших русских монетах X—XI вв.», стр. 28—29. Окружение головы князя нимбом на сребрениках одного типа и отсутствие нимба на сребрениках другого типа, но одного и того же князя, подтверждают выводы Стефани и указывают, что окружение головы князя нимбом зависело, повидимому, от личного вкуса резчиков матриц.

Сентябрь 1930—1932.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Долгея

В венской „Numismatische Zeitschrift“ за 1929 и 1931 г. напечатано исследование б. профессора нумизматики Ленинградского университета Н. П. Бауера „Die Silber-und Goldbarren des russischen Mittelalters“; затем в „Wörterbuch der Münzkunde hrsg. von Friedrich Fähr. von Schrötter 1930 г. тем же автором даны объяснения словам, относящимся к русской нумизматике. Несколько слов, которым автор дает своеобразное толкование, являются новинкой для занимающихся русскими монетами; это заставляет меня познакомить с некоторыми из них. Беру долгею, полтину, рубль.

О «долгее» автор упоминает в исследовании о слитках (Золотые и серебряные слитки), где (стр. 98 оттиска), рассуждая о «ветхих» и «новых» новгородских гривнах, пишет: «к тому же имеется еще интересное название «Долгея» (длинный кусок), которое я отношу к длинным брускам-слиткам XIII в. Для коротких кусков XIV в. было принято, повидимому, вновь появившееся название «рубль», которое в отличие от половинок, носивших в великокняжеской Руси тоже наименование, называлось «новгородский рубль». Продолжая далее говорить о частях гривны, Бауер пишет: «Как я только что отметил, по моему мнению, они соответствуют названию «низовый рубль» или, по новгородской терминологии, названию «полтина», что означает половину (пол) «Тина», — устарелого синонима рубля».

Объяснения к вышеупомянутым трем словам даны тем же автором в словаре Шреттера с некоторыми дополнениями. Выписываю текст дословно:

Долгея от русского слова долгий (длинный) применяется в письменных источниках начала XIV в. и не обозначает ничего иного, как новгородские слитки XIII в. длиной 200—138 мм (см. слитки, русск., IV), в противоположность экземплярам XIV в. длиной 130—110 мм, часто находимым среди монет Золотой Орды (ср. Шодуар I, 33, но не его пояснение).

Полтина, полтинник (тин—рубль, пол—половина) первоначально $\frac{1}{2}$ новгородского рубля=целому московскому; известна в XIV и XV вв. только в виде отрубленного бруска, весила около 94 гр., с контромаркой или без нее.

Рубль... (также тин—вreja), было название, появившееся в начале XIV в. для денежной гривны, которая в новгородских слитках весила в среднем около 196 гр., в остальной восточной Руси, может быть за исключением Твери,—около 94 гр.

Суммируя объяснения, приведенные Н. П. Бауером в обоих изданиях, получаем такую картину: в долгие, от русского слова долгий, длинный, автор видит новгородский, в форме палочки, слиток, скаловую гривну XIII в., длиной от 138 до 200 мм, весом около 196 гр. Долгея упоминается в письменных источниках начала XIV в. Половинная часть долгеи называется полтина, ранее половина новгородского рубля, равная целому московскому рублю. Название полтина состоит из двух слов: тин, т. е. рубль, и пол—половина. Тин, пишет автор, устаревший синоним слова рубль, но источник, откуда взято такое сведение, им не назван. Рубль, также тин, название денежной единицы, вошедшее в употребление в начале XIV в. вместо денежной гривны, которая в Новгороде в среднем весила 196 гр.

Познакомив со взглядом Н. П. Бауера на долгею, приведу свой, изложив его по тем скудным данным, которые сохранились в письменных источниках.

Среди денежных счетных единиц, перечисленных в «Русской правде», долгея не упоминается. Название этой новой единицы, повидимому, местное, вероятно, новгородское, так как встречается только в новгородских актах, именно в трех договорных грамотах Великого Новгорода, изданных в «Памятниках истории Великого Новгорода» под редакцией С. В. Бахрушина (Москва, 1909 г.)¹. В договоре Новгорода с в. к. Михаилом Ярославичем Тверским (между 1305 и 1308 гг.) эта новая счетная единица упоминается так (см. грамота VII): «А Дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати от князя по 5 кунъ, а от тиуна по две долгеи». В другом договоре с тем же князем (см. грамота VIII) долгея встречается в подобном же месте грамоты, но с заменю в слове долгея буквы о буквой ъ: «...погонъ имати от Князя по 5 кунъ, а от тиуна по две дьлген».

Наконец, в тех же выражениях повторяются обе счетные единицы в договорной грамоте (см. грамота IX), в которой в. к. Михаил именуется первым ее издателем (см. Собр. Госуд. Грамот и Договоров, т. I, № 8) Ярославичем, то же отчество дается и С. В. Бахрушиным, хотя из слов текста договора «при Деде твоємъ и при Праотце твоємъ Ярославе» можно заключить, что имя отца Михаила было не Ярослав. Борзаковский, в «Истории Тверского княжества», прим. 680, договор относит к 1371 г., следовательно ко времени княжения Михаила Александровича.

¹ Перепечатано без критических замечаний из «Собр. Госуд. грамот и договоров», т. I и др. изданий.

В договоре Великого Новгорода с Михаилом Ярославичем (см. грамота X), относящемся, как и договоры VII и VIII, к тому же промежутку между 1305 и 1308 гг., в наименовании долгеи находим следующее изменение: «А Дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати от Князя по 5 кунъ, а отъ тиуна по 2 куне». Те же денежные единицы повторяются в дальнейших договорах Великого Новгорода. В договоре с Михаилом Ярославичем (см. грамота XI, первая), заключенном в 1307 или 1308 гг., формула «погонъ имати от Князя» изменяется на «ходити по пошлине, от Князя по пяти кунъ, а от тиуна по две куне».

Эта замена объясняет слово «погон», равнозначущее слову «пошлина» или другому ему подобному слову¹. В договорах с Александром Михайловичем Тверским 1327 г. (см. грамота XV), с Василием Васильевичем Московским 1434 г. (см. грам. XXIII) и, наконец, с тем же Васильем Темным и его сыном Иваном 1456 г. (см. грам. XXVII) остается редакция прежней формулы с «погоном» без замены «ходити по пошлине».

Из приведенных 8 договоров видим, что по первым трем пошлина бралась с тиуна долгеями, по остальным пяти долгею заменяла куна. Это было отмечено Шодуаром в «Обозрении русских денег», т. I, стр. 35, который делает такой вывод: «долгеи, куны, резаны были в одной цене», с чем соглашается Марков в конспекте лекций «Русская нумизматика», изд. 2-е, стр. 15, где пишет: «долгея равна резане, а резана равна куне».

Из двух монетных единиц, упоминаемых в договорах, долгеи и куны, долгея могла быть равной только резане, но не куне. Мрочек-Дроздовский (Опыт, стр. 115) разъясняет, что в гривне содержится 50 резан или же 25 или около того кун (стр. 118). Слово резана происходит от корня рез в глаголе резать или, выражаясь конкретнее, от куны отрезывалась половинная часть и отрезок назывался резаною. Такие отрезки арабских диргемов продолговатой формы встречаются в кладах; они и обращались в торговле под именем резан. Вполне допустимо, что в Новгороде резаны, по их продолговатому виду, получили местное название долгей.

Если бы куна и долгея были равноценны, то зачем надобно было погон у князя в трех грамотах выражать в кунах, а у тиуна в долгеях? Конечно, по той причине, что куна и долгея не были одинаковыми счетными единицами. Без сомнения, в долгею подразумевается резана, которая, как я выше сказал, равна половине куны. Мрочек-Дроздовский не сомневается (см. Опыт, стр. 44, прим. 79) в том, что долгея была из мелких счетных единиц, и справедливо говорит, перевода названия на металлическую монету, что куню назывался диргем, отрезок которого назывался

¹ Слово «погон» Срезневским в Словаре не объяснено, у Дювернуа в Материалах сказано: погон = *expensae litis*, т. е. издержки тяжбы, выражение, приближающееся к слову «пошлина».

резаную; замена же в договорах долгеи куною произошла от увеличения пошлины у тиуна. Но как выразить ценность куны и долгеи на современные нам деньги? Если условно считать серебряный слиток—гривну в 10 современных нам рублей, то куна-диргем, как 25-я часть гривны, будет стоит 40 коп., а долгея-резана 20 коп.

Вот все, что я мог извлечь о долгее из того скудного материала, который дали Новгородские договоры, и добавлю, что приравнивать к серебряной скаловой новгородской гривне долгею лишь по одному происхождению слова «долгея» от «долгий»—нельзя, иначе получится невозможный результат для определения цифры погона с князя и с тиуна.

В заключение остается сказать о слове «тин», синониме, как пишет Н. П. Бауер, слова «рубль». Но я не могу вдаваться, как не специалист, в разбор этого слова, которое мне встречается впервые, хотя автор и называет его устаревшим, следовательно, когда-то существовавшим в живом русском языке, не указывая источника, откуда он его заимствовал, и не поместив его в словаре Шреттера, как самостоятельное наименование «тин» для рубля. Вопрос о слове «тин» может решить специалист по древнему русскому языку.

А. Орешников

Октябрь, 1932 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Сребреник Ярослава и привеска с родовым знаком из приобретенный Исторического Музея последних лет

Когда работа А. В. Орешникова была уже в основном закончена, собрание Исторического Музея пополнилось сребреником Ярослава и привеской с родовым знаком, поступившими 23 июня 1931 г. из Музея книги, документа, письма при Академии Наук СССР, о чем А. В. вкратце упоминает, говоря о монетах Ярослава (см. стр. 56).

Приводим описание обоих памятников. Для второго из них (привески), подробно описанного в книге поступлений Исторического Музея, сохраняем текст описания самого А. В. Орешникова.

38. Монета серебряная Ярослава.

Лиц. ст. Погрудное изображение влкч. Георгия в плаще, застегнутом запоною у правого плеча, с копьем и щитом в руках, впрямь. По сторонам—греческая надпись: *oge ovrio* Кругом два бусовых ободка, между которыми—4 розетки из точек.

Об. ст. Родовой знак без точек внутри. Кругом знака—надпись кириллицей: (ЯР) ОСЛА ВЛ—Е СЪРѢВРО. По краю два бусовых ободка, между которыми—4 розетки из точек.

Вес 3,85 гр. Верх монеты обломан. Найдена в Новгороде. Из б. собрания Н. П. Лихачева («Материалы», вып. II, стр. 177; Альбом, табл. ЕIII, рис. 16). По книге поступлений Гос. Исторического Музея № 71774. См. табл. II, фиг. 2. Изображение родового знака—на табл. I, фиг. 2.

39. «Знак медный шестиугольный с ушком для привески; стороны слегка вогнуты вокруг. На одной стороне резан вглубь родовой знак; по схеме рисунка близкий к знаку Ярослава Мудрого; в середине между боковыми лопастями резана птица, сидящая вправо. На знаке резано шесть кружков с точками в середине. На обороте резан подобный же родовой знак; в середине, вместо птицы, резан спиральный завиток. На знаке резано 4 кружка с точками в середине.

Длина с ушком 73 мм., ширина 60 мм. Найден в Киеве (из б. Собрании Лихачева, Н. П.)».

По книге поступлений Гос. Исторического Музея № 71775. Воспроизведена в Альбоме к «Материалам» Н. П. Лихачева на табл. ЕIII, 1 и у А. В. Орешникова, «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам», стр. 93, табл., фиг. 5. См. нашу табл. II, фиг. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Два сребреника Святополка Михаила, собрания Оружейной Палаты

В дополнение к двум сребреникам в. к. Святополка Михаила Изяславича (1093—1112), изданным в работе А. В. Орешникова, даем описание и изображение двух сребреников того же князя, хранящихся в Гос. Оружейной Палате в Москве.

40. **Лиц. ст.** Изображение великого князя, сидящего впрямь на седалище без спинки; князь одет в плащ, застегнутый на груди запоною; на голове—шапка с препендулиями, вокруг головы—нимб; правая рука, держащая крест на длинном древке, не оттиснулась; левая прижата к груди; под седалищем—ряд арок. Справа—слабо видные следы надписи: ...НА СТ ... Следы бусового ободка.

Об. ст. Родовой знак. Слева—следы надписи: ... СЕ... Внизу, по сторонам знака: + и О. Двойной бусовый ободок.

Вес 3,7 гр. По описи Оружейной Палаты № 24. Табл. III, фиг. 7.

41. **Лиц. ст.** Изображение великого князя, подобное предыдущему; нижняя часть не оттиснулась. Слева—следы надписи; надпись справа: НА СТО... Двойной бусовый ободок.

Об. ст. Родовой знак. Нижняя часть не оттиснулась. Слева—слабо видные следы надписи: ...ЕГ... Двойной бусовый ободок.

Вес 3,22 гр. С одной стороны часть монеты обломана. По описи Оружейной Палаты № 25. Табл. III, фиг. 8.

Изображение родового знака см. на табл. I, фиг. 16.

УКАЗАТЕЛЬ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ТАБЛИЦАХ

Табл. I. Изображение родовых знаков князей рюриковичей на древнейших русских монетах и современных им вещественных памятниках. Рис. 1. Знак на привесной печати; возможно принадлежавший В. кн. Киевскому Владимиру св. (980—1015), стр. 35. Рис. 2—4. Знак на сребрениках В. кн. Ярослава—Георгия Владимировича Мудрого (987—1019 г.), стр. 35. Рис. 5—13. Знаки на сребрениках В. кн. Владимира—Василия Всеволодовича Мономаха (1078—1125 г.), стр. 35. Рис. 14. Знак на двуименном сребренике В. кн. Киевского Изяслава Дмитрия Ярославовича и его сына Ярополка—Петра Изяславовича (1054—1077 г.), стр. 35. Рис. 15. Знак на сребренике кн. Вышгородского Ярополка—Петра Изяславовича (1077—1078 г.), стр. 35. Рис. 16. Знаки на сребренике В. кн. Киевского Святополка—Михаила Изяславовича (1093—1112 г.), стр. 35. Рис. 17. Знак на серебряном брактее, возможно, принадлежащий кн. Тмутороканскому Олегу—Михаилу Святославовичу (1083—1094 г.), стр. 85.

Табл. II. Рис. 1. Привеска с родовым знаком кн. Рюриковичей. Хранится в Историч. Музее. № 39, стр. 91. Рис. 2. Сребреник кн. Новгородского Ярослава—Георгия Владимировича (987—1019 г.), подлинный экземпляр собр. Исторического Музея. № 38, стр. 91. Рис. 3. То же копия с подлинника собр. Эрмитажа. № 1, стр. 50—51. Рис. 4. Сребреник В. кн. Киевского Изяслава—Дмитрия Ярославовича (1054—1077 г.). По рисунку при статье Толстого „Der Münzfund von Njeschin“ в „Zeitschrift für Numismatik“ № 2, стр. 54.

Табл. III. Рис. 1. Сребреник кн. Вышгородского Ярополка—Петра Изяславовича (1077—1078 г.). Копия с подлинника собр. Эрмитажа. № 5, стр. 56. Рис. 2. То же, копия с подлинника собр. Эрмитажа № 3, стр. 55. Рис. 3. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 38, стр. 91. Рис. 4. Сребреник двуименный В. кн. Киевского Изяслава—Дмитрия Ярославовича и его сына Ярополка—Петра Изяславовича (1054—1077 г.). Копия с подлинника собр. Эрмитажа № 6, стр. 61—62. Рис. 5. Сребреник В. кн. Киевского Святополка—Михаила Изяславовича (1093—1112 г.). Подлинник собр. Исторического Музея. № 7, стр. 64. Рис. 6. То же, подлинник собр. Историч. Музея. № 8, стр. 65. Рис. 7. То же подлинник собр. Оружейной Палаты. № 40, стр. 92. Рис. 8. То же, подлинник собр. Оружейной Палаты, № 41, стр. 92. Рис. 9. Златник кн. Черниговского Владимира—Василия Всеволодовича Мономаха (1078—1094 г.). Подлинник собр. Исторического Музея. № 9, стр. 68.

Табл. IV. Рис. 1. Сребреник В. кн. Киевского Владимира—Василия Всеволодовича Мономаха (1078—1094 г.). Подлинник собр. Истор. Музея. № 10, стр. 68. Рис. 2. То же, подлинник собр. Истор. Муз. № 11, стр. 68. Рис. 3. То же, подлинник собр. Истор. Муз. № 12, стр. 69. Рис. 4. То же, подлинник

собр. Истор. Муз. № 13, стр. 69. Рис. 5. То же, подлинник собр. Истор. Муз. № 14, стр. 69. Рис. 6. То же, подлинник собр. Истор. Муз. № 15, стр. 69. Рис. 7. То же, подлинник собр. Истор. Муз. № 16, стр. 69. Рис. 8. То же, подлинник собр. Истор. Муз. № 17, стр. 69—70. Рис. 9. То же, копия собр. Истор. Муз. № 18, стр. 70. Рис. 10. То же, подлинник собр. Истор. Муз. № 19, стр. 70.

Табл. V. Рис. 1. Сребреник кн. Переяславского Владимира—Василия Всеволодовича Мономаха (1094—1113 г.). Подлинник собр. Истор. Муз. № 20, стр. 73. Рис. 2. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 21, стр. 73—74. Рис. 3. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 22, стр. 74. Рис. 4. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 23, стр. 74. Рис. 5. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 24, стр. 74. Рис. 6. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 25, стр. 74. Рис. 7. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 26, стр. 75. Рис. 8. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 27, стр. 75. Рис. 9. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 28, стр. 75.

Табл. VI. Рис. 1. Сребреник В. кн. Киевского Владимира—Василия Всеволодовича Мономаха (1113—1125 г.). Подлинник собр. Историч. Музея. № 29, стр. 76. Рис. 2. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 30, стр. 76. Рис. 3. То же, копия с подлинника собр. Эрмитажа. № 31, стр. 76. Рис. 4. То же, копия с подлинника собр. Эрмитажа. № 32, стр. 76—77. Рис. 5. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 33, стр. 77. Рис. 6. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 34, стр. 77. Рис. 7. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 35, стр. 77. Рис. 8. То же, подлинник собр. Истор. Музея. № 36, стр. 77. Рис. 9. Сребреник кн. Тмутороканского Олега—Михаила Святославовича (1083—1094 г.). Подлинник собр. Истор. Музея. № 37, стр. 85. Рис. 10. Тонкая серебряная, полуразрушенная, пластинка с оттиснутыми, как на брактеате, родовым знаком и остатками неразборчивой надписи. Предположительно отнесено князю Тмутороканскому Олегу—Михаилу (1083—1094 г.), стр. 85.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

ТАБЛ II

1

2

3

4

ТАБЛ. III

1

2

3

4

5

6

7

8

9

ТАБЛ. V

1

2

3

4

5

6

7

8

9

RESUMÉ

L'oeuvre du feu A. Orechnikov, un des plus anciens membres du Musée Historique à Moscou,—“Monnaies de la Russie pré-mongole”,—est dédiée à la partie la plus obscure de la numismatique russe. Dans la première partie de son oeuvre, l'auteur nous donne un aperçu général des valeurs d'échange, qui précèdent au plus ancien monnayage russe. Ce sont—le bétail, les fourrures, les monnaies étrangères, qui circulent dans la partie orientale de l'Europe, (deniers romains jusqu'au III siècle ap. J. C., monnaies Sassanides du V—VI siècle, dirhems arabes du VIII—XI siècle et monnaies de l'Europe occidentale du X—XII siècle) et enfin—des barres d'argent et d'or (Grivny), hachées en pièces de diverses formes.

En considérant les dénominations des fourrures, qui circulaient comme valeurs d'échange, l'auteur n'est point d'accord avec V. Trouvtovsky et se joint à l'opinion de Mrotchek-Drosdovsky, en retrouvant ces dénominations transportées sur les monnaies, du moment que les fourrures cessent d'être considérées comme valeurs d'échange. Ainsi depuis le X jusqu'au commencement du XII siècle K o u n a correspond en valeur à une dirhem, N o g a t a est égale à deux K o u n a et demi. R e s a n a, (ce nom provient du mot russe r e s a t-couper).—est le nom des pièces hachées d'une K o u n a, dont les plus petites portent le nom de v e k c h a ou v e v e r i t z a (1/30 d'une N o g a t a). En contredisant l'opinion de N. P. Bauer (Annexe 1) l'auteur considère la dénomination D o l g u e i a, (du mot russe d o l g u i—long), comme employée à la ville de Novgorod en place de r e s a n a.

En passant à la principale partie de son oeuvre,—les monnaies russes les plus anciennes—l'auteur nous donne un aperçu complet des diverses théories traitant ce sujet, créées par un nombre d'érudits, du commencement du XIX siècle jusqu'à nos jours. L'immense expérience de l'auteur, quoique au point de vue méthodologique il n'est pas toujours au niveau de la sociologie Marxiste-Léniniste contemporaine, (ce qui est noté dans notre préface), et sa connaissance

parfaite du matériel lui octroient la liberté de nous donner de nouvelles attributions sur diverses monnaies, de citer un nombre d'observations de valeur considérable et de défendre dans plusieurs cas son opinion individuelle. L'auteur prend pour principe de classification des plus anciennes monnaies russes les marques de familles princières, frappées au revers des monnaies. Les plus anciennes de ces pièces sont attribuées par l'auteur comme frappées à la ville de Novgorod au commencement du XI siècle sous le prince Yaroslav.

L'auteur donne une description complète de toutes les monnaies russes pré-mongoles conservées au Musée Historique à Moscou, en ajoutant les descriptions des marques et des légendes sur les monnaies de la même époque dans la collection de l'Ermitage à Lénin-grad, qu'il a cité soit dans les cas qui exigeaient une explication, soit pour remplir des lacunes dans la collection du Musée Historique.

Toutes les monnaies décrites dans ce livre sont reproduites sur les planches. L'annexe I contient toute la polémique de l'auteur contre N. P. Bauer à propos du terme „Dolgueia“ et répand une lumière sur d'autres questions terminologiques. Dans l'annexe II nous trouvons la description de deux nouvelles monnaies acquises en l'an 1931 par le Musée Historique à Moscou, (Pl. II, dessin 1—2) et dans l'annexe III nous retrouvons deux pièces analogiques, provenant du Musée au Kremlin de Moscou (Oroujeinaia Palata).

Une liste bibliographique des oeuvres citées par l'auteur fait la conclusion du livre.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 7

Древнейшие единицы обмена. Скот, меха, слитки иноземные, чеканные монеты 15—27

Древнейшие клады с римскими монетами (15). Клады с сасанидскими и арабскими монетами (16). Рубленые монеты (17). Клады с серебряным ломом (18). Куна—мех, куна—металлическая монета (18). Трутовский не признает ценности с наименованиями мехов металлическими, а считает их мехами (19). Клады со слитками (20). Гривны—слитки, их происхождение (21). Неопределенность стоимости денежных единиц (22). Запись 1494 г о денежных единицах, обращавшихся в Новгороде XIV—XV вв. (23). Попытка Черепнина определить денежные единицы, обращавшиеся в Новгороде в XIV—XV вв. (23). Определение Мрочек-Дроздовским денежных единиц, перечисленных в Русской Правде: ногаты, куны, резаны, векши. Свидетельство Лифляндской хроники Грубера о ногате (24). Долгея (26). Кожаные жеребье (26).

Чеканные русские монеты 28—43

Появление первых русских чеканных денег (?8). Отрицательный взгляд на первые русские монеты, как на денежные единицы, Забелина, Бауера, Лихачева (28). Куник первый определил древнейшие монеты, как денежные единицы (30). Классификация древнейших монет И. И. Толстым и др. (31). Попытка автора работы определить древнейшие монеты по родовым знакам (33). Родовые знаки—отражение родового быта (33). Определение родового быта К. Д. Кавелиным (34). Распределение родовых знаков по группам (35). Чеканка первых монет Ярославом Мудрым, когда он был Новгородским князем. Первые Киевские монеты чеканены Изяславом Ярославичем (36). Перечень князей, чеканивших древнейшие монеты. Перечеканки монет (21). Распадение родового быта в начале XIII столет. (38). Неясности в определении родовых знаков на привесных печатях (39). Первое литературное известие Мейерберга о древнейших русских монетах (40). Обзор главнейших литературных трудов по древнейшим русским монетам (40). Как распределять древнейшие русские монеты по княжествам (43).

Новгород. Князь Ярослав Георгий Владимирович (987—1019) 44—52

Сребро Ярославе—первая русская монета, чеканенная в Новгороде (44). Отрицательные взгляды Бауера и Лихачева на сребреники Ярослава, как на денежный знак (44). Норманские подражания сребреникам Ярослава Лихачев считает чеканенными в Новгороде для уплаты варягам (45). Бауер называет Норманские подражания монетой Ярослава IV типа (46). Попытка определить систему древнейших монет (47). Тип сребра Ярослава (49). Поступление в Исторический музей фрагментированного сребреника Ярослава из Музея Книги, Документа, Письма (МКДП) (51). О Норманских подражаниях сребреникам Ярослава (51).

Великое княжество Киевское. В. кн. Изяслав Димитрий Ярославич (1054—1078)
и его сын Ярополк Петр Вышгородский (1077—1078) 53—62

Монеты Изяслава Ярославича Киевского и его сына Ярополка Вышгородского (53). Определение обеих монет Н. И. Петровым (53). Монеты Ярополка, чтение на них Черневым имени Петрос (55). Историческими материалами для объяснения определения сребренника Ярополка Н. И. Петровым являются: 1) письмо папы Григория VII Гильдебранда в. к. Изяславу и 2) псалтирь Гертруды (57). Палеография надписей монет Изяслава и Ярополка (60). Привесные печати Изяслава и Ярополка (61).

Великое княжество Киевское. В. кн. Святополк Михаил Изяславич (1093—1112) . 63—65

В. к. Святополк Михаил Киевский и его монеты (63). Сходство типа монет Святополка с одним типом монет Владимира Мономаха (64).

Владимир Василий Всеволодович Мономах (1078—1125) 66—80

Монеты Владимира Мономаха разделяются на три группы (66). Монеты Мономаха I-й группы, с типом Христа, чеканены для Чернигова (67). Сребреники II-й группы, с типом князя в плаще или в кольчуге, чеканены для Переяславля (70). Надписи на сребренике II-й группы до сих пор правильно не прочтены (70). Попытки дешифровать надписи II-й группы (70). Сребреники Мономаха III-й группы, с типом князя на престоле, чеканены для Киева (75). Золотой змеевик (Черниговская гривна) относится к Владимиру Мономаху (78). Два типа головных покрытий на монетах (78).

Княжество Тмутороканское. Кн. Олег Михаил Святославич (1083—1094) . . . 80—85

Князь Олег Святославич Тмутороканский (80). Привесная печать его жены Феопании Музалониссы, княгини России (81). Отрицательный отзыв автора «Слова о полку Игореве» об Олеге Святославиче (83). Печать с его надписью (84). Монета Олега Тмутороканского (84). Памятники, относящиеся к княжеству Тмутороканскому (85).

Особенности древнерусских монет: имена князей, языческие и христианские; изображения князей с нимбами и без нимбов (86).

Приложения:

I. А. Орешников. Долгея	87—90
II. Сребреник Ярослава и привеска с родовым знаком из приобретений Исторического Музея последних лет	91
III. Два сребреника Святополка Михаила, собрания Оружейной Палаты	92
IV. Список сочинений, упомянутых в работе А. В. Орешникова	93
Указатель изображений на таблицах	94
Содержание	95—96

Отв. редактор В. К. Серезников. Техн. редактор Г. А. Кузьмин.

Уполн. главлита Б-1730.

Зак. 834

Тир. 2150

Тип. Госиздата ССР Армении. Москва, Армянский, 2.

ЦЕНА 3 р. 50 к.